

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Направление «Филология»

Образовательная программа «Отечественная филология

(Русский язык и литература)»

Аширова Екатерина Сергеевна

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА «АРЗАМАСА»

Выпускная квалификационная работа

Бакалавра

Научный руководитель: к. ф. н., доц. Елена Николаевна Григорьева

Рецензент: к. ф. н., доц. Ирина Эдуардовна Васильева

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Представленная работа посвящена литературной игре «Арзамасского общества безвестных людей». При всей изученности «Арзамаса» остается не до конца решенным вопрос о характере деятельности общества. Так, например, М.Майофис в монографии «Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов» пишет: «В обществе регулярно происходили политические дискуссии. В числе их тем могли быть проекты реформ, которые некоторые арзамасцы готовили на своих служебных постах: пропаганда идей конституционализма (в том числе и за рубежом) и возможные формы российской конституции, просвещение средних и низших сословий государства, тесно увязанное с планами будущего освобождения крестьян, а также перевод и распространение Библии, то есть продиктованных «духом христианства» идей равного покровительства и защиты государством всех своих подданных»¹. Роль общества в истории русской литературы и культуры связана с обеими сторонами арзамасской деятельности: литературной и политической.

К литературной стороне деятельности относится модернизация русского языка и литературы. Одна из ипостасей модернизации заключалась в канонизации и деканонизации писателей, которыми занимались члены «Арзамаса». Ориентируясь на «Пантеоне российских авторов» Н.М. Карамзина (1801)², выстроившего галерею национальных классиков, арзамасцы поддерживают начатую им модернизацию национальной литературы. Деканонизации подвергались писатели «старой школы»: А.

¹ Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов. М., 2008. С. 733.

² Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. Т.2. С 164 – 170.

Кантемир, Феофан Прокопович, Симеон Погоцкий, М.В. Ломоносов, В.И. Майков. С начала царствования Александра I ведет отсчет «новая школа», представителями которой являются Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, реже — Г.Р. Державин, Богданович и И.А. Крылов.

Роль «Арзамасского общества бывших людей», впервые предложившего модель литературы, которая основывалась на идеи исторической изменчивости, может трактоваться в духе идей Ю.Н. Тынянова о литературной эволюции³. По мнению Тынянова, основным двигателем эволюции является пародия. Хотелось бы высказать осторожное предположение о том, что пародия может быть воспринята как частный случай более широкой практики — игры — как способа революционного сдвига литературной и — шире — культурной парадигмы.

Цель настоящей работы — анализ текстов, написанных членами «Арзамасского общества бывших людей», с помощью теории игры. Материалом для исследования были послания арзамасцев, их письма и протоколы.

В первой главе была рассмотрена основная научная литература, написанная об «Арзамасе». Представленный обзор свидетельствует о том, что работ, предметом исследования которых была бы арзамасская игра, крайне мало. Из чего вытекает актуальность исследования.

Вторая глава содержит доказательства правомерности изучения текстов, написанных арзамасцами, в игровом аспекте. Признаки игры, выявленные Йоханом Хейзингой в труде «*Homo ludens*», обнаруживаются в поведении и творчестве членов «Арзамаса».

Третья глава посвящена языковой игре членов общества, которая прослеживается на уровне фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса.

В четвертой главе представлены случаи возникновения игровой реальности внутри художественного мира в жанрах письма, послания и протокола.

³ См.: Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 47 – 49.

В заключении сказано о роли принципа игры в арзамасской деятельности.

Глава I.

Литературная игра «Арзамаса»: к истории вопроса

До публикации протоколов в 1933 году «основой для суждения об Арзамасе служили немногочисленные мемуарные данные»⁴. Мемуары по своей природе являются субъективным источником информации⁵. В связи с этим «Арзамас» оценивался крайне противоречиво. Как пишет Б.С.Мейлах, «столь противоречивые оценки объясняются главным образом скучостью материалов, находившихся в расположении исследователей»⁶ (в их распоряжении были только мемуарные свидетельства и лишь частично опубликованные протоколы). Только после первой полной публикации протоколов стали появляться работы, цель которых — объективное описание деятельности кружка. Хотя исследователи и не говорят открыто об этой задаче, она очевидна: авторы видят необходимость указывать, какие воспоминания в мемуарах были верными, а какие неточными и чрезесчур субъективными. Например, Д.Д. Благой пишет, что Вигель «вложил в уста Орлову» мысль о создании собственного журнала. На деле же, как доказывает ученый, автором идеи был А.И. Тургенев.

Реализация выявленной задачи очевидна и в книге Б.С. Мейлаха: «Таким образом, полностью подтверждается воспоминание П.А. Вяземского об Арзамасе...».⁷ Попытку выяснить, что из сказанного мемуаристами истинно, а что ложно, наблюдаем и у М.И. Гиллельсона в книге «Молодой Пушкин и арзамасское братство» 1974 года: «Мемуарист неправ: конечно же, Николай Тургенев досадовал — и весьма досадовал, — что арзамасцы настроены не столь решительно, как он сам»⁸.

⁴ Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 262.

⁵ См. об этом: Благой Д. Социально-политическое лицо Арзамаса // «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933. С. 14-15.

⁶ Мейлах Б.С. Там же. С. 262.

⁷ Там же. С. 263.

⁸ Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 124.

Гиллельсон пишет, что «делопроизводство в «Арзамасе» страдало изъянами, и <...> пропуски не единичны»⁹. «В протоколы заносилось далеко не все то, что обсуждалось на заседаниях, и <...> протоколы, даже самые полные, не могли бы передать нам все стороны арзамасской деятельности»¹⁰.

Действительно, публикация протоколов в 1933 году не восполнила недостаточность информации об «Арзамасском обществе безвестных людей». Потому в истории изучения работ об «Арзамасе» появление в 1974 году книги М.И. Гиллельсона «Молодой Пушкин и арзамасское братство» представляется чрезвычайно важным. Именно это исследование во многом восполняет лакуны в описании жизнедеятельности кружка.

Только после того, как задачи по восстановлению правдивых сведений о кружке были решены, у исследователей появилась возможность ставить перед собой цели иного плана. Теперь, когда в научный оборот были введены сведения об «Арзамасе» и арзамасских документах, ученые смогли заняться вопросами поэтики и литературной игры.

Публикация в 1994 году сборника «Арзамас» под редакцией В.Э. Вацуро подталкивает исследователей к разрешению вопросов поэтики герменевтики. Введение неизвестных ранее документов и текстов, систематизация представленного в сборнике арзамасского творчества, разграничение его в соответствии с жанровым принципом позволяет взглянуть на написанное арзамасцами по-новому.

⁹ Гиллельсон М.И. Указ. соч. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 72.

Вопросы терминологии

В.Э. Вацуро во вступительной статье «В преддверии пушкинской эпохи» задается вопросом о том, кем являлись арзамасцы и беседчики и кого из них следует называть «романтиками», а кого «классиками». Автор ссылается на Ю.Н. Тынянова, который в работе 1929 г. «Архаисты и Пушкин» пишет, что из-за желания упростить, свести к единству сложное и многообразное явление, мы зачастую совершаляем ошибку. Несмотря на то, что читатель прислушался к предостережениям Тынянова, данный вопрос не представляется ему слишком сложным, потому что, со слов Тынянова, мы знаем: архаистическое движение делилось на два течения (старшие архаисты были классиками, а младшие были новаторами). Тынянов пишет: «За исключением Шаховского все перечисленные архаисты — "романтики" не состояли членами "Беседы" и литературная деятельность их развилаась после ее распада»¹¹. Таким образом, прочтение работы Тынянова, казалось бы, склоняет к тому, что беседчиков уместно называть «классиками».

Однако Ю.М. Лотман и В.Э. Вацуро пришли к совершенно иным выводам. Тынянов задал ту норму, которую Лотман и Вацуро будут оспаривать. Об этой норме Лотман писал: «В литературоведении распространено убеждение, что в развернувшейся в 1800—1810-е годы борьбе столкнулись отживающий классицизм и молодой романтизм, причем первый был представлен «Беседой» и близкими к ней литераторами, второй же заявил себя в произведениях карамзинистов, арзамасцев»¹². В статье «Поэзия 1790-1810-х годов» ученый высказывает мысль о связи поэтики «Беседы» с предромантизмом. В 1975 году Лотман и Успенский снова упомянут о том, что «эстетика "классицизм" приклеена Вяземским из

¹¹ Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 90.

¹² Лотман Ю.М. Поэзия 1790-1810-х годов // Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971. С. 15.

полемических соображений шишковистам, а потом была проницательно оспорена Пушкиным»¹³.

Подобным образом говорит об этой проблеме и Вацуро, который замечает, что «в эстетике "беседистов" были черты, свойственные общеевропейскому романтическому движению»¹⁴. Национализм беседчиков, их любовь к преромантической поэзии С.С. Боброва — с одной стороны; важность для арзамасцев критерия «вкуса», являвшегося основным критерием просветительской эстетики, антиклерикализм, их любовь к поэзии Вольтера — с другой, позволили Вацуро прийти к утверждению, что «"классиками" были как раз члены "арзамасского братства", а "беседисты" — "романтиками"»¹⁵.

На этом высказывании можно было бы поставить точку в освещении истории данного вопроса. Но в новейшей работе Э.М. Афанасьевой «Онтология имени в творчестве русских писателей начала XIX века» вновь встречается поименование арзамасцев «романтиками», а беседчиков «классиками». Интерпретируя распространенный в творчестве арзамасцев мотив братства, Афанасьева говорит о важности «генеалогической модели родства поэтов» для «начального этапа формирования русского романтизма» и называет арзамасцев «первыми русскими романтиками»¹⁶. Вацуро ведет себя более осторожно, говоря, что «романтическими тенденциями прорастает сентиментализм Жуковского, открывший пути развития преромантической и позднее романтической поэзии»¹⁷.

13 Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1975. Вып. 24. С.177.

14 Вацуро В.Э. В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас». Сборник: В 2-х кн. Кн. 1. М., 1994. С. 14.

15 Там же. С. 15.

16 Афанасьева Э.М. Онтология имени в творчестве русских писателей начала XIX века: литературное общество «Арзамас», А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. М., 2013. С. 57.

17 Вацуро В.Э. Указ. соч. С. 15.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что выбор термина исследователями может осуществляться, во-первых, на основе традиции (например, как у Афанасьевой); во-вторых, с точки зрения позиции, с которой оценивается «Арзамас». Представляется, что комплекс идей и эстетика, лежащие в основе обществ, подтверждают правоту Вацуро: арзамасцы действительно являются скорее "классиками", а "беседисты" — романтиками. Но с точки зрения задач в области языка, которые решали арзамасцы, их следует отнести к романтикам.

Подобно тому, как Вацуро заставляет иначе оценить привычную оппозицию «классики-романтики», Б.М. Гаспаров в работе «Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка» (1999 г.) показывает, что и на оппозицию «архаисты-новаторы» стоит взглянуть по-новому. Гаспаров пишет о том, что в перспективе европейского культурного процесса взгляды Шишкова новы, а школа Карамзина не является новаторским явлением, хотя «в глазах русской публики и в сознании самих ее представителей»¹⁸ она предстает именно такой.

¹⁸ Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 32.

А.С. Пушкин и «Арзамас»

Тема «А.С. Пушкин и "Арзамас"» встречается как в самых ранних работах об «Арзамасе» (например, в книге Ю.Н. Тынянова «Архаисты и новаторы»), так и в исследованиях нашего времени. Тынянова в равной мере интересует связь Пушкина и со старшими, и с младшими архаистами. Ученый показывает не только то, что Пушкин вышел из арзамасской среды, но и то, что он был «беспартиен», использовал элементы сразу обоих течений, поскольку «отучился от односторонности взгляда»¹⁹.

Важные замечания по этому вопросу были высказаны в 1975 г. в работе Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского «Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры». Ссылаясь на вышеуказанную работу Тынянова, авторы пишут, что «Пушкин начинает как убежденный карамзинист, но затем во многом отступает со своих первоначальных позиций, в какой-то степени сближаясь с "архаистами"»²⁰. Сами авторы сосредотачиваются более на значении пушкинской деятельности в истории русского литературного языка. Если говорить об «Арзамасе» с точки зрения его взглядов на язык, подходить к этому обществу как к этапу полемики о старом и новом слоге, то творчество Пушкина является итогом спора о языке между карамзинистами и шишковистами. Авторы пишут: «Творчество Пушкина как бы подводит итоги борьбе языковых стихий, восходящей к антитезе церковнославянского и русского языков, и открывает, тем самым, новую эру в истории русского литературного языка»²¹.

В некотором смысле темы «Пушкин и "Арзамас"» касается и Р.В. Иезуитова в статье 1982 г. «Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов». Автор рассматривает связь Пушкина не с «Арзамасом» в целом, а с творчеством одного из его членов — Жуковского — и сталкивает их творчество как первого и последнего (Жуковский стоит у

¹⁹ Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин. С. 157.

²⁰ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Указ. соч. С. 253.

²¹ Там же. С. 252.

истоков «Арзамаса», а Пушкин «останется главным носителем идеи «арзамасского братства» после прекращения деятельности общества»²²). Детализация темы «Пушкин и "Арзамас"» происходит у Иезуитовой и в плане жанра: она ограничивается шутливыми жанрами в поэзии. Ученый выявляет «схожесть художественной палитры Жуковского и Пушкина, близость их творческих принципов, глубину тех впечатлений, которые испытал юный поэт при знакомстве»²³ с произведениями Жуковского. Иезуитова пишет о том, что «многие предметные, вещественные реалии зрелой поэзии Пушкина имеют аналогии в юмористических стихах Жуковского. Нередко острое и меткое наблюдение или глубокая поэтическая мысль Пушкина возникают с некоторой (вольной или невольной) оглядкой на Жуковского»²⁴. Важна мысль о том, что «образы, поэтические мотивы, живые интонации, остроумные наблюдения, впервые возникшие у Жуковского или промелькнувшие в его шутливых стихах, оживут, наполняются иным смыслом и получат новую жизнь и другое назначение в поэзии Пушкина»²⁵. Иезуитова выявляет влияние Жуковского (и в его лице всего «Арзамаса») на Пушкина сравнительным путем. В итоге автор приходит к выводу о том, что Пушкин «вбирает в свое творчество все жизнеспособные элементы арзамасского стиля и жанровых форм арзамасского юмора»²⁶.

Теме «Пушкин и "Арзамас"» посвящена и работа Б.М. Гаспарова "Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка" 1999 г. Как утверждает исследователь, «Пушкин постоянно вступает в диалог с арзамасской традицией, нередко полемизирует с ней, иногда демонстративно бросает ей вызов, сохраняя при этом ощущение своей

²² Иезуитова Р.В. Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов // Пушкин. Исследования и материал. т. X. Л., 1982. С. 32.

²³ Там же. С. 46.

²⁴ Там же. С. 45.

²⁵ Там же. С. 47.

²⁶ Там же. С. 32.

причастности к миру "Арзамаса"»²⁷. По мысли Гаспарова, Пушкин усвоил арзамасскую систему, а затем «продолжил развивать ее применительно ко всем новым темам и обстоятельствам, далеко выходящим за пределы чисто арзамасских проблем литературной полемики»²⁸.

Как представляется, тема «А.С. Пушкин и "Арзамас"» хорошо изучена литературоведением. Проблемные вопросы в ней уже разрешены. Остается детализировать, сужать тему (как это сделала, например, Иезуитова). Подводя итоги исследовательской мысли по выделенной нами теме, можно сказать, что взгляды А.С. Пушкина, изначально совпадая во многом с арзамасскими, пройдя определенные этапы развития, оказались в результате шире какого-либо направления. И хотя ученые, казалось бы, повторяются в результатах своих исследований, работа каждого автора имеет свои неповторимые оттенки и акценты. Так Тынянов сосредотачивается более на *процессе становления* итоговых взглядов Пушкина. Лотман и Успенский — на *значении* его творчества для истории русского литературного языка. Гаспаров акцентирует внимание на моментах, делающих Пушкина абсолютным новатором. Кроме того, кажется интересным тот факт, что исследователи вновь и вновь на протяжении всего XX века чувствуют необходимость возвращаться к теме «Пушкин и "Арзамас"» и заново изучать ее.

²⁷ Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С. 148.

²⁸ Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С. 147.

Отрицательная направленность арзамасского смеха.

Вопрос об антицерковности «Арзамаса»

Д.Д. Благой в 1933г. отметил антицерковную направленность «Арзамаса»: «Большинство издевательских арзамасских речей, посвященных отпеванию «живых покойников» Беседы, по форме своей являются прямой и весьма характерной пародией библейских текстов, молитв, проповедей и т.п.»²⁹.

В книге «Молодой Пушкин и арзамасское братство» М.И. Гиллельсон соглашается с мнением Д.Д. Благого о том, что «Арзамас» антиклерикален.

О кощунстве арзамасцев в 1981 г. была написана статья В.М. Живова «Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века». О. А. Проскурин открыто спорит с Живовым, но во многом распространяет его тезисы. В истории изучения вопроса, связанного с антиклерикализмом «Арзамаса», эти две работы (статья Живова и работа Проскурина «Новый Арзамас — Новый Иерусалим») идут бок о бок.

Живов дает определение явлению «кощунства». В широком смысле слова «кощунство» определяется как «введение сакральной символики в чисто светский контекст»³⁰. Далее автор пишет, что явление это бывает двух типов: «При одном подходе кощунство — это то, что имеет *целью* оскорбление святыни, при другом — то, что имеет *результатом* оскорбление святыни».³¹ Как показывает О. Проскурин, члены «Арзамасского общества безвестных людей» были глубоко религиозными людьми. Исходя из этого довольно убедительно доказанного утверждения, можно заключить, что арзамасские кощунства не могут быть кощунствами первого типа. Но предстоит еще доказать, что они относятся к кощунствам второго типа.

²⁹ Благой Д.Д. Социально-политическое лицо Арзамаса // Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 9-10.

³⁰ Живов В.М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. XIII. С. 65.

³¹ Там же. С. 66.

Поскольку Живов в данном вопросе не соотносит теорию с исследуемым материалом, это можно сделать, опираясь на работу О. Проскурина, в которой легко находятся аргументы для подтверждения точки зрения Живова.

Живов пишет, что при втором подходе все зависит «от культурной позиции адресата. <...> для адресанта определенный контекст оправдывает употребление сакральной символики, а адресаты, принадлежащие другой культурной группе, этого оправдания не признают»³². По мысли Проскурина, «различное понимание отношений между означаемым и означающим в словесном знаке» объясняет, почему для одних — использование сакральных текстов в комической функции оказывается возможным, а для других — нет. Как показывает Проскурин, разница культурных позиций обнаруживается в вопросах лингвистических, общесемиотических. Для Шишкова язык и вера слиты воедино. Взгляды арзамасцев же соответствуют «новоевропейскому представлению о нетождественности формы и сущности словесного знака». Таким образом, арзамасцы и шишковисты — люди разных культурных групп. А отличие в культурной позиции адресата и адресанта есть основной признак кощунства второго типа.

Живов пытается доказать, что в системе русской культуры XVIII — начала XIX в. существовало явление сакрализации поэта. Согласно этой концепции поэтическое вдохновение сближается с библейским пророчеством, а «источник поэтического вдохновения отождествляется с источником пророческого ясновидения»³³. Поэты считали себя вправе занять место священнослужителей. Церковью же подобное отождествление поэта и священника воспринималось как кощунство. Однако следует заметить, что это кощунство второго типа (по результату, а не по намерению), ибо, как кажется, явление сакрализации поэта не снижает религию как таковую, поэт лишь хочет возвысить себя до ее уровня. Бог неизменно высок, однако возникает борьба между поэтами и духовенством. Поскольку арзамасцы

³² Живов В.М. Указ. соч. С. 66.

³³ Там же. С. 77.

играют именно в церковь («Арзамас» — литературная церковь, исповедующая «литературное православие»), перенося религиозное в область литературную, интересно будет сравнить между собой эти похожие внешне модели (арзамасскую игру в церковь и сакрализацию поэта). Если формула «поэт — пророк» возвышает поэта, не снижая религии (фигура поэта проникается религиозным содержанием), то игра в литературную церковь, желая поднять литературу до религии, религию снижает (церковь проникается содержанием литературным).

Однако и арзамасская игра в церковь, как представляется, является кощунством второго типа. Живов полагает, что концепция «"Арзамас" — литературная церковь» есть пародия на концепцию сакрализации поэта. В сакральность поэта верил Шишков. Напомним, что согласно исследованию Живова, сакрализация поэта воспринималась церковью как кощунство. Возможно, арзамасцы, стремясь показать, что «Беседа» кощунствует, кощунствуют сами. Но поскольку умаление религии не было их сознательным намерением, арзамасскую игру в церковь также следует относить к кощунствам второго типа.

По мнению Живова, вера Шишкова в сакральность поэта позволила ему считать, что он имеет право на нарушение запретов православного духовенства. Эти запреты налагаются на употребление церковнославянismов и слов «религиозного содержания» в светском контексте. И арзамасцы, и шишковисты нарушили эти запреты, но шишковисты — в большей мере. Живов считает, что в спорах о языке арзамасцы находятся в некоторой степени на стороне духовенства. Таким образом, вопрос о кощунствах «Арзамаса» вписывается в разговор о языке и полемике о старом и новом слоге. Живов в своем исследовании опровергает антиклерикальное происхождение арзамасских кощунств. Он связывает использование кощунств арзамасцами во внутрилитературных жанрах с их внутрилитературной функцией. А значит, это кощунства не намеренные, т.е. второго типа.

В.Э. Вацуро также затрагивает тему антиклерикализма арзамасцев. Он выдвигает довольно важный тезис о том, что «предметом осмеяния является не Библия и не древнерусский быт сами по себе, а неуместность и бессмысленность сочетания их с общественным бытом современности»³⁴.

Еще дальше идет О. Проскурин, не только считающий, что «предметом осмеяния является не Библия»³⁵, но и объясняющий цель использования сакральных текстов в комической функции: «Игра со священным словом отнюдь не преследовала своей целью дискредитацию обыгрываемого текста — библейского или литургического. Такую игру, может быть, всего уместнее сопоставить в типологическом плане с пародическим использованием ("перепевом") классических произведений — одним из излюбленных комических приемов XVIII — начала XIX века. Чем популярнее и авторитетнее текст, используемый для "перепева", тем более значителен произведенный таким приемом комический эффект». «Возможность такого игрового (не дискредитирующего!) пародирования проистекала из представлений» «новоевропейской культуры»³⁶. Таким образом, использование сакральных текстов с целью вызвать комический эффект приравнивалось к желанию отстоять «право на новоевропейское понимание культуры (и литературы в частности). Потому самая игра наполняется теперь полемическим содержанием и самый факт игры делается полемически-вызывающим»³⁷.

История вопроса об антиклерикализме арзамасцев дана в главе вышеуказанной работы О.А. Проскурина «"Кощунственность" арзамасской игры как историко-культурная проблема». Интересно, что, оспаривая правомерность ставшего давно привычным включения «Аразамаса» в

³⁴ Вацуро В.Э. Указ. соч. С. 20.

³⁵ Там же. С. 20.

³⁶ Проскурин О.А. Новый Арзамас — Новый Иерусалим // Новое литературное обозрение. 1996. №9. С. 107.

³⁷ Там же. С. 108.

антицерковную и, шире, вольтерьянскую традицию, Проскурин называет имена тех исследователей, чьим мнениям он противостоит, но не упоминает тех, кто с ним по одну сторону баррикад.

Важным кажется следующее сравнение взглядов Живова и Проскурина: Живов отмечает, что для Беседы религия и поэзия сближены; Проскурин считает, что поэзия и религия — одно, как для беседчиков, так и для арзамасцев. Но эта концепция, по мнению Проскурина, претерпевает изменения в арзамасском обществе. Членам «Арзамаса» важно, чтобы религия и литература были истинными.

Все значительные работы авторов, высказавшихся по проблеме арзамасского антиклерикализма, показывают, что арзамасцы не имели цели осмеяния церкви. Использование ими священных текстов в комической функции имеет совершенно иную роль. Так, например, Живов считает, что арзамасские кощунства по своему происхождению не антиклерикальные, функция их внутрилитературна. Поскольку тексты арзамасцев должны адресоваться другим литераторам и показывать, как следует писать, кощунства (в силу обращенности к Беседе текстов, в которых они использованы) в их внутрилитературной функции должны открыть Беседе глаза на ее ошибки в писательстве.

Высказывание Вацуро также, как представляется, показывает направленность арзамасских кощунств против Беседы, неуместно сочетавшей Библию, древнерусский быт и современность.

Проскурин также считает, что кощунства использовались не с целью оскорбления церкви, но с целями, лежащими в области литературы и литераторства. Пародическое использование священного слова было необходимо для утверждения европейской традиции в писательских кругах, а также для оправдания права литератора на «смехотворство».

Таким образом, «Арзамас» не антиклерикален, как это кажется на первый взгляд. Хотя указанные авторы согласны в этом, единодушие по этому поводу возникло не так давно. Долгое время наблюдалось единогласие иного характера: то, что арзамасцы желали высмеять церковь, не подвергалось

сомнению. В советское время, как пишет Проскурин, антицерковная направленность арзамасских текстов была всем на руку и не вызывала к ним отрицательного отношения. Мы остановились на концепциях тех авторов, мнение которых оказалось иным по сравнению с традиционным мнением большинства, утверждавшего антицерковную направленность «Арзамаса». Исследование Живова демонстрирует возможность посмотреть на арзамасские тексты по-новому и оценить, правдиво ли мнение, считавшееся традиционным, или дело обстоит сложнее. Живов еще не опровергает антицерковной направленности арзамасских текстов, утверждая, что «литературные кощунства изучаемого периода суть по преимуществу кощунства карнавальные»³⁸. «Эта карнавальность сложной сакрализованной системе высокой литературы противопоставляет целую систему десакрализации, органической частью которой являются кощунства»³⁹;.<...> «не разбирая в целом эту систему, образуемую различными приемами снижения, мы можем указать лишь на один момент, имеющий прямое отношение к кощунству, — это пародийная церковь поэтов, поклоняющаяся Фебу»⁴⁰. Итак, Живов еще не опровергает антицерковной направленности арзамасских текстов, но приходит к выводу, что функционируют эти кощунства не так, как было принято думать раньше. Функция этих кощунств, как считает Живов, внутриструктурна. Возможно, в своих выводах Живов шагнул бы дальше, если бы он применил свою классификацию кощунств к текстам арзамасцев. Но иллюстрировал данную им теорию Живов не только с помощью арзамасских текстов. Как заметил Лотман в рецензии на работу Живова, автор затрагивает очень большой объем поэтического материала⁴¹. Это и не позволило ему сконцентрироваться только на «Арзамасе».

38 Живов В.М. Указ. соч. С. 83.

39 Там же. С. 87.

40 Там же. С. 87.

41 Лотман Ю.М. Несколько слов о статье В.М. Живова // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. XIII. С. 92.

Как кажется, В.Э. Вацуро, ощущает, что арзамасские тексты не направлены против церкви и не доказывает этого положения, возможно, потому, что жанр вступительной статьи не предоставляет такой возможности. Взгляд Проскурина в решении этой проблемы является в данный момент последним и очень убедительным.

Этика арзамасцев

Природе арзамасского смеха посвящена и работа М. В. Строганова «Арзамасский стёб: пределы и границы дозволенного». Автор занимается этической стороной вопроса. Подход Строганова является обществоведческим, а не литературоведческим, что очевидно уже с первых страниц. Так, например, автор статьи определяет «Арзамас» следующим образом: «Арзамас был создан для успешной социализации небольшой группы чиновников-литераторов».⁴² Как представляется, Строганов крайне не объективен в некоторых высказываниях. Например: «...в многочисленных прозвищах членов «Беседы» выражается намерение унизить и оскорбить, что очень далеко от собственно критической литературной оценки. Члены «Беседы» были в большинстве своем и членами государственной Российской Академии. Не получается ли так, что Блудов и Уваров стремились вытеснить с этих насиженных теплых мест А.С. Шишкова и П.И. Голенищева-Кутузова?»⁴³.

«Травля» и слова с подобным лексическим значением встречаются в статье часто. Ими Строганов характеризует литературную полемику того времени. Он считает, что «в Арзамасе издевались над живыми людьми»⁴⁴. Литературную сторону полемики он характеризует так: «Стёб и глумление — это и есть содержание пародии, сатиры, критики»⁴⁵. Подобные «литературные практики» он оценивает с этической точки зрения. Например, его возмущает такая ситуация: «Отпевание литературного покойника (Захарова) напророчило его реальную смерть» (этот факт был обыгран арзамасцами); «Слава Богу, что об этом не узнали Шишков, Шаховской и

⁴² Строганов М.В. Арзамасский стёб: пределы и границы дозволенного // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы. Липецк, 2006. С. 103.

⁴³ Там же. С. 106.

⁴⁴ Там же. С. 106.

⁴⁵ Там же. С. 102.

Соколов. *То-то было красиво!*⁴⁶». Таким образом, Строганов не принимает правил арзамасской игры. Он забывает, что действительная жизнь в данном типе эстетической реальности является строительным материалом для игры. Арзамасцы любой подходящий контекст из настоящей жизни вплетают в сюжет своей игры или обыгрывают его иными способами.

Строганов не просто стремится показать, что арзамасцы в некоторых ситуациях вели себя неэтично и переходили черту. Автор статьи занимает позицию защитника «жертв» арзамасского «глумления» и «стёба». Ситуацию разжалования члена «Вот я вас» (В.Л. Пушкина) в «Вотрушку» из-за неудовлетворительности его стихов описана Строгановым следующим образом: «...стихи эти не великого достоинства, но ни на какое публичное признание их В. Львович, как можно судить, и не претендовал. Поэтому переименовывать его в Вотрушку из-за этих стихов не было никаких оснований»⁴⁷. Но автор статьи забывает, что (как заметил Вяземский) «Арзамас был школой <...> литературного ученичества: в нем придавалось огромное значение процессу формирования художника-творца»⁴⁸. А значит, основания все-таки были. Более того, по этому комментарию видно, что Строганов совсем не учитывает природу арзамасского смеха, функцией которого, при самоиронии и самоосмеянии, была защита качества собственного творчества.

Таким образом, например, характеризовал природу арзамасского смеха О.А. Проскурин: «Смех стал формой утверждения значимых для арзамасцев ценностей и одновременно формой защиты их: *защиты от литературных врагов и, что особенно важно, — от самих себя*»⁴⁹. Об этом писал и В.С.Краснокутский: «Истина в арзамасской поэтике изображается, как

⁴⁶ Там же. С. 106.

⁴⁷ Строганов М.В. Указ. соч. С. 108.

⁴⁸ Иезуитова Р.В. Указ. соч. С. 33.

⁴⁹ Проскурин О.А. «Арзамас», или апология галиматы // знание — сила. 1993. № 2. С. 61.

правило, в обличии шутки. Истина остается в безопасности, потому что скрыта за шуткой»⁵⁰.

Более того, рассказ об «оскорблении» Василия Львовича арзамасцами есть и в работе Гиллельсона, который описал ситуацию совершенно иначе. Гиллельсон являет нам старосту «Арзамаса» не столько жертвой, сколько человеком, способным постоять за себя, сделав верные выводы. Он пишет о Василии Львовиче: «Без ответа оставлять такое надругательство он не собирался. <...> Василий Львович был природный полемист; он знал, что лучшая защита — нападение. И он пошел в атаку. <...> победа была на его стороне»⁵¹. Способность дать ответ в виде отповеди выводит Василия Львовича из статуса жертвы. Кроме того, как пишет Гиллельсон, «Василий Львович, забыв про свою подагру, ездил по Москве, читал в гостиных послание к арзамасцам и с шумной радостью рассказывал о своей победе. Вяземский, Давыдов, Карамзин, Дмитриев, Батюшков поздравляли сияющего Василия Львовича»⁵².

Несомненно, Строганов не учитывает опыт других работ об «Арзамасе». Так, например, автор ничего не знает о практике переименования членов литературной игры. Он считает, что потомки могут извинить арзамасцев после их издевательств над беседчиками только потому, что себя они оскорбляют тоже, именуя друг друга *«снижающими прозвищами»*: снижают прозвища «гендерные переделки: Старушка, Кассандра, Светлана, Дашенъка»⁵³. Но ведь арзамасские прозвища (за исключением штрафных, данных на время и за проступки, типа «Вотрушка») не являются снижающими, отношение говорящих к ним было иным. Более того, каждое прозвище, как пишет И.А. Паперно, «мотивировано ситуативно

⁵⁰ Краснокутский В.С. О своеобразии арзамасского наречия // Замысел, труд, воплощение. М., 1977. С. 27.

⁵¹ Гиллельсон, М.И. Указ. Соч. С. 90.

⁵² Там же. С. 92.

⁵³ Строганов М.В. Указ .соч. С. 107.

(биографией или свойствами носителя имени). Все арзамасцы носили прозвища, взятые из баллад Жуковского и тянувшие за собой ассоциации, связанные с этими образами»⁵⁴. Таким образом, целью такого выбора имен было точно не «снижение». Автор не касается (ныне хорошо изученных) причин именования арзамасцами себя такими прозвищами. Он пишет: «Арзамасцы не только над своими литературными противниками глумились, придумывая им прозвища Хлыстова, Лбова, Седого деда, Гашпара и другие. Они и для самих себя придумали довольно ядовитые прозвища, которые стали знаменитыми в истории литературы»⁵⁵.

Следствием стёба и глумления, по мнению Строганова, является неминуемое оскорблечение личности автора, на которого направлены эти «литературные практики». Как представляется, нарушение арзамасцами границ, установленных этикой, Строганову доказать удалось. Примеры, взятые им для аргументации, оказались убедительными. Во-первых, он вспоминает послание В.Л. Пушкина «К арзамасцам»:

Просодии в них нет, нет вкуса — виноват!

Но вы передо мной виновнее стократ.

Разбор, поверьте мне, столько едкий, не услуга:

Я слух ваш оскорбил — вы оскорбили друга...⁵⁶

В качестве второго доказательства Строганов приводит письмо Вяземского, где он сетует на то, что Тургенев его обидел, заметив недостаток веселости в его стихах: «Скажи В.Л., что он поседел, Козадавлеву, что он исподличался, Хвостову, что он исщупился; ты врежешь им нож в сердце, потому что давно зеркало, которое та же совесть, или совесть, которая то же

⁵⁴ Паперно И.А. О реконструкции устной речи из письменных источников (кружковая семантика и домашняя литература в Пушкинскую эпоху) // Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978. Вып. 1. С. 131.

⁵⁵ Строганов М.В. Указ. соч. С. 106-107.

⁵⁶ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 367.

зеркало, им то самое сказали. Я и так крылья поджал в унынии, а ты тут же на меня»⁵⁷.

Третьим доказательством оказалось письмо Жуковского: «В этой непринужденности часто бывает много оскорбительного; иногда позволяешь себе говорить с некоторою беспечною легкостию при всех то, что надобно было сказать наедине: можно ли это назвать откровенностию? Нет! Это просто пренебрежение, болтливость, которая вертит языком, не заботясь, оскорбит ли то, что скажешь, или нет! А такого рода забота необходима с друзьями, нежели с посторонними. В нашем Арзамасе, где мы решились, однако, позволять себе все это под эгидою галиматьи, было много неприличного»⁵⁸.

Говоря об арзамасском «стёбе», Строганов выступает в роли морализатора. Он берет на себя ответственность за проведение «границ дозволенного»: «Никогда не переходи в отношениях к другому ту черту, за которую ты не хотел бы пускать другого»⁵⁹. Автор старается защитить спустя два столетия всех пострадавших от арзамасского острого слова. Роль защитника не позволяет исследователю оставаться объективным, зачастую он судит предвзято. Рассматривая выбранные для исследования «литературные практики» только с точки зрения этики, Строганов забывает о природе изучаемого явления.

⁵⁷ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. М., 1994. С. 376.

⁵⁸ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 349.

⁵⁹ Строганов М.В. Указ. соч. С. 113.

Вопрос об арзамасском языке

Поскольку язык «Арзамаса» по причине его «внешней непонятности и обособленности»⁶⁰ осознавался как «наречие» — очевидна необходимость его изучения. Однако у большинства авторов встречаются только отдельные замечания об арзамасском языке. Собственно языком «Арзамаса» занималась О.А. Ронинсон. Этому посвящена ее работа «О "грамматике" арзамасской "галимати"» 1988 года.

В книге Б.М. Гаспарова «Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка» читаем следующее тонкое наблюдение: «Коллективное творческое сознание Арзамаса отличал общий модус внешне беззаботного плетения словесной и образной ткани»⁶¹. Гаспаров пишет, что «арзамасцы нанизывали речения друг на друга»⁶². Ронинсон же обнаруживает, благодаря каким правилам оказывается возможным это «предсказание "хода" участника коллективной "игры" и теоретически бесконечное "говорение" на "галиматийном языке"»⁶³. Однако Гаспаров работает прежде всего с уровнем мотивов и образов, в то время как уровень языка (как лингвистической данности) исследует Ронинсон.

Среди приемов порождения галимати Ронинсон выделяет субъектную и генетивную метафоры. О субъектной метафоре она пишет: «... балладное имя определяло речевое поведение арзамасца...»⁶⁴. Генетивная метафора - «воплощение абстрактного понятия, выражаемого словом в родительном падеже, в материальной «эмблеме», представленной однозначным словом в номинативе»⁶⁵. «Генетивные метафоры арзамасцев обладают пародийной

60 Краснокутский В.С. О своеобразии арзамасского «наречия». С. 21.

61 Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С. 147.

62 Там же. С. 147.

63 Ронинсон О.А. О «грамматике» арзамасской «галимати» // Функционирование русской литературы в разные исторические периоды. Тарту, 1988. № 822. С. 4.

64 Там же. С. 4.

65 Ронинсон О.А. Указ. соч. С. 8.

направленностью и обращены против штампов "высокого стиля" и одической поэзии»⁶⁶. «Арзамасцы индивидуализируют и нагнетают абсурдность привычной эмблематики <...> за счет полной неожиданности сталкивания эмблемы и понятия. "Змея коварства" "превращается" в "змею безвременной заботливости"...»⁶⁷. Таким образом, арзамасский язык оказался «попыткой создания нового языка "свежих", намеренно неожиданных метафор. Недостаток "чужой" системы превращается в достоинство, творческую находку, прием "своей" системы. <...> пародийный принцип доведения до абсурда чужой поэтики становится законом собственного языка, ошибки логики и вкуса "перерастают" в прием нонсенса, организующий компоненты генетивной метафоры»⁶⁸.

Анализирует язык арзамасцев и выделяет используемые ими приемы также Т.Б. Радбиль в работе «"Арзамасская галиматья" в свете теории языковой анамальности»⁶⁹.

66 Ронинсон О.А. Указ. соч. С. 9.

67 Там же. С. 11.

68 Там же. С. 11-12.

69 Радбиль Т.Б. «Арзамасская галиматья» в свете теории языковой анамальности // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас; Нижний Новгород, 2015. С. 165 - 184.

Вопрос об игровом начале «Арзамаса» в работах

М.Б. Гаспарова и О.А. Проскурина

Работа О.А. Проскурина «Новый Арзамас — Новый Иерусалим» и часть книги Б.М. Гаспарова, посвященная «Арзамасу», оказываются близки, поскольку оба автора вводят понятие системы, не использовавшееся ранее в анализе поэтики «Арзамаса». Как пишет Проскурин, ранее «исследователи видели в арзамасской игре лишь разрозненные случаи использования сакральных текстов в комической функции (а отнюдь не систему!)»⁷⁰. У Гаспарова читаем: «Важнейшим достижением поэтики «Арзамаса» было то, что арзамасцам удалось создать слитную, целостную образно-риторическую систему — систему, в которой многочисленные и разнообразные образы и речения вступали в активные связи между собой, образуя густую сетку пересекающихся поэтических смыслов»⁷¹.

Оба автора оперируют и категорией игры в литературе. Прежде чем говорить о включенности работ Гаспарова и Проскурина в историю изучения игрового начала в «Арзамасе», стоит сказать, что уже Вацуро определял игровое начало как яркую особенность арзамасского языка. Целью работы Проскурина является описание арзамасской игры в церковь. Гаспаров опирается на категорию игры в меньшей степени: ему необходимо изучить арзамасский язык, дать подробный анализ мотивной структуры, чтобы в других главах сделать выводы о связи Пушкина с арзамасским обществом безвестных людей. И все же многие игровые компоненты подвергаются в книге Гаспарова анализу. О возможности включения книги Гаспарова в ось рассмотрения работ, посвященных игровому началу «Арзамаса», говорят его высказывания, подобные следующему: «Арзамасцы занимали символическое место на "галерке" социального и литературного спектакля»⁷². Важно, что

⁷⁰ Проскурин О.А. Новый Арзамас — Новый Иерусалим. С. 97.

⁷¹ Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С. 144.

⁷² Там же. С. 144.

оба автора являются своим читателям «Арзамас» как «истинную литературную церковь», а беседчиков как представителей литературного ада. Гаспаров пишет, что «арзамасское братство рисуется в образе adeptov новой веры»⁷³. Гаспаров и Проскурин расшифровывают ролевую структуру, необходимую арзамасцам для создания образов литературной церкви и литературного инферно. А распределение ролей внутри общества, как известно, является элементом игры. На данный момент главным результатом в истории изучения игрового начала «Арзамаса» является описание «морфологии игры в церковь» Проскуриным, а также признание «права арзамасской игры на исследовательское внимание» как таковое.

⁷³ Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С. 140.

Глава II

«Арзамас» сквозь призму работы Йохана Хёйзинги «*Homo Ludens*»

Почему представляется возможным говорить о деятельности «Арзамасского общества безвестных людей» и об их текстах, используя теории игры? Для ответа на этот вопрос необходимо соотнести основные характеристики игры по Й. Хейзинге с арзамасскими реалиями.

Называя какой-либо признак игры, описанный в труде Йохана Хейзинги «*Homo ludens*», опишем его сначала на поведенческом уровне, а затем на уровне текста.

- Во-первых, Йохан Хёйзинга писал, что «в каждой игре — свои правила. Ими определяется, что именно должно иметь силу в выделенном игрою временном мире. Правила игры бесспорны и обязательны, они не подлежат никакому сомнению <...> Стоит лишь отойти от правил, и мир игры тотчас же рушится»⁷⁴ (курсив наш — Е.А.).

В жизни «Арзамаса» этот признак проявлялся следующим образом: у членов кружка существовали правила, которые были перечислены в «Проекте устава для Арзамасского общества безвестных людей». Примером того, что участники арзамасской игры не подвергали сомнениям установленные правила, может служить эпизод с церемонией принятия В. Л. Пушкина в общество. Как писал М.И. Гиллельсон, «доверчивый и бесхитростный Василий Львович и не подозревал, что замысловатый ритуал был изобретен ради него одного»⁷⁵.

Но этот признак дан также и на уровне текста. Незыблемыми установками в арзамасском послании являются представления о святости дома, дружбы и искусства. Как писал В.А. Грехнев, «эти ценности в послании

⁷⁴ Хейзинга Й. *Homo ludens*: опыт определения игрового элемента культуры. СПб., 2011. С. 36.

⁷⁵ Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. С. 82.

никогда не становятся объектом тотальной иронии»⁷⁶. Доказательством святости дружбы для арзамасцев может служить соединение в словосочетание глагола «исповедовать», использующегося исключительно в религиозной сфере, и существительного «дружба», например, в письме П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу. В этом письме Вяземский писал о Жуковском: «Он исповедует дружбу православно и безгрешно»⁷⁷. В том же письме читаем: «... только и есть хорошего, что мы исповедуем дружбу словом и делом»⁷⁸. Таким образом, частотное использование выражения «исповедовать дружбу» говорит об отношении членов общества к дружбе, демонстрирует наличие культа дружбы в «Арзамасе».

- *Обособленность участников* является еще одним признаком игры, который мы можем видеть в Арзамасском обществе. Так, например, во «Вводной статье к протоколам Арзамаса» М.С. Боровкова-Майкова писала, что в «Арзамасе» «на заседания, бывшие замкнутыми, посторонние, видимо, не допускались; только однажды присутствует на заседании, состоявшемся у Блудова, его племянник Писемский, да у Уварова — француз Гавиньи (<...> живший, очевидно, в доме Уварова), но подписей ни одного из них нет»⁷⁹.

Явленность этого признака игры на уровне текста доказывает то, что, например, в жанре послания остальному свету и Беседе противопоставляется не просто «Арзамас», а «милый круг» (курсив наш — Е.А.), так называемое «арзамасское братство». На обособленность участников в послании работает и лирическая ситуация «Я — ты», вводимая наличием адресата.

На уровне текста этот признак явлен также с помощью мотивов братства, благодаря которым арзамасцы создают свой «генеалогический

⁷⁶ Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. С. 37.

⁷⁷ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 390.

⁷⁸ Там же. С. 390.

⁷⁹ Боровкова-Майкова М.С. Вводная статья к протоколам Арзамаса // Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 36.

миф»⁸⁰, основанный на реальном родстве некоторых участников, и на родстве мифологическом: члены общества — братья по Аполлону. Семья, а в особенности клан, на который, как кажется, более всего похож «Арзамас», — это всегда обособленная от остального мира группа людей. Схожесть с кланом очевидна в следующем утверждении Афанасьевой: «Стремление к закреплению в протоколах, переписке, собственных произведениях темы родовой связи, братской дружбы выводит генеалогическую модель на мессианский уровень появления новой поэтической семьи, находившейся под покровительством «старших предков» поэтов (Карамзина) и Аполлона»⁸¹. Приведем некоторые примеры мотивов братства. А.С. Пушкин в письме к В.Л. Пушкину писал: «Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону»⁸². Или:

Приди и чокнемся с тобою,
Бокал с бокалом, стих с стихом,
Как уж давно душа с душою
*Мы побратались родством*⁸³ (курсив наш — Е.А.).

Или:

Нас дружба всех усыновила,
Мы все свои, мы все родня,
Лучи мы одного светила,
Мы искры одного огня⁸⁴.

• Йохан Хейзинга также пишет, что «игровое сообщество обладает вообще склонностью сохранять свой *постоянный состав* и после того, как игра уже кончилась»⁸⁵ (курсив наш — Е.А.). То же видим и у

80 См. об этом: Афанасьева Э.М. Указ. соч. С. 57-58.

81 Афанасьева Э.М. Указ. соч. С. 71.

82 «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 1. С. 356.

83 «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 321.

84 Там же. С. 321-322.

85 Хейзинга Й. Указ. соч. С. 37.

арзамасцев. Хотя распад общества датируется 1818 г., конец арзамасского братства приходится на 1825 год⁸⁶.

- Другим признаком игры является наличие *борьбы* или состязательности. Йохан Хейзинга писал: «Игра представляет борьбу за что-то или же превращается в состязание в том, кто именно сможет показать что-то лучше других»⁸⁷. Такое определение игры как нельзя лучше подходит для описания борьбы арзамасцев за «новый» слог. Само общество «Арзамас» возникло в результате «войны на Парнасе». Как пишет М.С. Боровкова-Майкова, «основной задачей «Арзамаса» было бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попало»⁸⁸.

Если же говорить о системе арзамасских жанров в целом, то данная характеристика игры находит свое отражение прежде всего в жанре эпиграммы. Но и среди посланий есть те, которые в классификации по тематическому принципу стоят особняком, — они направлены против шишковистов и Беседы⁸⁹.

- Для теории игры важно понятие *маски*. Этот признак явлен сразу на двух уровнях: поведенческом и текстовом.

Характеризуя эту особенность игры на уровне поведения, можно воспользоваться словами О. Проскурина из работы «Литературные скандалы пушкинской эпохи», где он писал: «В зеркалах взаимных оценок участники полемики нередко предстают не столько выразителями реальных языковых и эстетических позиций, сколько полемическими масками, литературными персонажами, носителями фиктивных свойств и качеств, подчас весьма отдаленно связанных с реальностью»⁹⁰.

86 Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. С. 144.

87 Хейзинга Й. Указ. соч. С. 39.

88 Боровкова-Майкова М.С. Указ. соч. С. 30.

89 Краснокутский В.С. Дружеское послание арзамасского круга // Филология. Сборник студенческих и аспирантских работ МГУ. М., 1974. С. 37.

90 Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 19.

К масочности на уровне поведения можно отнести и арзамасские клички, взятые из баллад Жуковского.

О масках в послании писал В.А. Грехнев. Он говорил, что «условный «грим», порою густо накладываемый на личности лирического субъекта или адресатов, все-таки не заслоняет их реальные черты». Но «замещая индивидуальность условно очерченным типажем, послание как бы оставляло художественный «зазор», всегда рассчитанный на узнавание личности»⁹¹.

В.А. Грехнев утверждал, что «образы лирического субъекта и персонажей послания стали средоточием условных типажей, выработанных поэтической практикой «арзамасского» содружества. Типажи послания (поэт-отшельник, поэт-гусар, поэт-мудрец, поэт-эпикуреец, поэт-студент, поэт-чревоугодник) были сотворены по контрасту с типовыми приметами классицистического образа поэта (поэт-царедворец, поэт-сановник, носитель государственной заботы, лицо вне быта и над бытом)»⁹².

К маскам в послании возможно также отнести обращения-характеристики, которые не всегда являются правдивыми с биографической точки зрения.

Думается, что несмотря на то, что в масках, используемых арзамасцами как в послании, так и в других жанрах, можно разглядеть биографическое за слоем ретуши, благодаря самому ее наличию происходит разделение на себя в игровой действительности и себя вне ее.

Отметим признаки игры, отраженные только на уровне поведения.

- Признаком игры является *священнодействие*⁹³. Данный критерий явлен только на поведенческом уровне. Священнодействием является поедание гуся, тело которого, согласно концепции Проскурина, высказанной в работе «Новый Арзамас — новый Иерусалим», является аналогией тела Христова.

91 Грехнев В.А. Указ. соч. С. 39.

92 Там же. С. 38-39.

93 Хейзинга Й. Указ. соч. С. 41.

- В игре также необходимы *жертвы*. К ним относятся живые покойники из Беседы.
- «Среди формальных признаков игры первое место занимает *пространственная выхваченность* этой деятельности из обыденной жизни»⁹⁴. Определение пространства игры арзамасцы дают с самого начала образования общества — «положено признавать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов на лицо, и сие место, какое бы оно ни было — чертог, хижина, колесница, салазки — должно именоваться во все продолжение заседания Новым Арзамасом»⁹⁵. Данный признак дан только на поведенческом уровне.
- Другой признак игры — *ритуальность*. Ее проявление видим в использовании игровых атрибутов (колпака): «<...> в ритуал общества введен был «красный колпак», служивший отличием председательствующего (или президента), избираемого на одно только заседание. Под красным колпаком вступающий член (он же оратор) произносил торжественную клятву. И наоборот, по одному из предварительных постановлений Арзамаса, провинившийся член сидел в белом колпаке»⁹⁶.

Признаки игры, проявляющиеся только на текстовом уровне.

- «Само понятие игры как нельзя лучше охватывает *единство и неразрывность веры и неверия*, это *соединение священной серьезности с дурачествами и притворством*»⁹⁷ (курсив наш — Е.А.). Этот признак отражен прежде всего на уровне текста.

Сакральные тексты использовались арзамасцами в комической функции. Многие исследователи обсуждали, является ли правомерным такое соединение священного с дурачествами (см. об этом главу «Отрицательная

⁹⁴ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 47.

⁹⁵ Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 83.

⁹⁶ Там же. С. 27.

⁹⁷ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 53.

направленность арзамасского смеха). Существует большой вопрос об антицерковности «Арзамаса».

Очевидно, что в самом понятии игры заложено соединение противоположного, которое мы наблюдаем в послании, где, как писал В.А. Грехнев, соединяются бытовое и поэтическое.

Если говорить о приспособленности жанров, используемых арзамасцами для игры, то протоколы и речи при их жанровой серьезности являются полем для дурачества. А значит, и в этом тоже проявляется данная характеристика игры.

- Йохан Хейзинга пишет, что игра происходит «в полном самозабвении»⁹⁸ (курсив наш — Е.А.). При этом участник «знает, что он играет»⁹⁹.

Этот признак отражен прежде всего на уровне текста, а не на уровне поведения участников общества. В тексте он явлен на уровне композиции. Если мы говорим о послании, самозабвение проявляется в том, что отрывки, где лирический герой замечтался, намного длиннее тех, где он вспоминает о действительной реальности. Так происходит, например, в послании Жуковского «К Блудову».

Для осознания процесса игры участниками «Арзамаса» в противовес самозабвению был использован жанр письма.

Рассматриваемый признак игры явлен также на уровне языка. Самозабвением проникнут галиматийный слог арзамасского творчества: галиматья может порождаться бесконечно¹⁰⁰.

- Для игры, несмотря на наличие незыблемых правил, необходимы категории *фантазии* и произвола. Вся арзамасская деятельность пронизана этим игровым свойством: язык галиматьи рождается по определенным правилам, но кажется произвольным.

⁹⁸ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 46.

⁹⁹ Там же. С. 46.

¹⁰⁰ Ронинсон О.А. Указ. соч. С. 4.

В послании же фантазия, по словам В.А. Грехнева, предстает нам как «культ свободно творящей силы, не знающей преград, как силы, скрепляющей пеструю неупорядоченность внешней (в частности, бытовой) реальности, сопрягающей быт и культуру»¹⁰¹. Грехнев пишет: «Послание широко раздвинуло границы и возможности художественной фантазии, ибо в свободном полете ее оно усматривало композиционную опору стиха, связующий принцип стиля. Можно сказать, что фантазия была незримым героем многих посланий. Не говоря уже о тех случаях, когда игра фантазии становилась тематическим стержнем построения <...>»¹⁰².

¹⁰¹ Грехнев В.А. Указ. соч. С. 70.

¹⁰² Грехнев В.А. Указ. соч. С. 69.

Глава III

Языковая игра арзамасцев

Языковая игра пронизывает все творчество арзамасцев. Так, например, речь арзамасцев даже в некоторых их письмах не является «свободной». Она подчинена особым принципам организации, которые основываются на приемах противопоставления, амплификации и различных повторах, среди которых можно выделить рифмы, анафоры и фигуру синтаксического параллелизма.

Приведем следующий пример из письма: «Прости, моя радость, а я ничего скучнее радости своей не знаю; прости, моя душа, а моя душа пресна, как вялая рыба или Кутузова стих»¹⁰³. Данный пример основан на приеме противопоставления адресата адресанту по схеме «ты — я». Слово, выбранное для обращения («душа», «радость»), наталкивает автора письма на рассуждение о себе. Противопоставление усиливается за счет использования противительного союза «а». Кроме того, мы видим здесь единоначатие синтагм — анафору «прости, моя...». Обе синтагмы строятся по принципу синтаксического параллелизма.

Приемы амплификации, синтаксического параллелизма и анафора обладают организующей функцией и в следующем примере из письма: «Как думаете *вы*, ваше превосходительство, милостивый государь Иван Иванович, *вы*, у коего ум прохладил душу, а душа, не совсем остывшая, ему назло согревает ум, *вы*, которые вообще правильный и образный стихотворец, а иногда порывами и поэт? Как думаешь *ты* о том, пуншевая стклянка, не постигающий тайны языка стихотворного, но посвященный на тайны поэзии, *ты*, который пропил все свои поэтические пожитки в Беседе московской, Аполлоном разжалованный Мерзляков?»¹⁰⁴ (курсив наш — Е.А.). Анафорические «вы» и «ты», бесконечное нанизывание признаков, которыми обладают лица, зашифрованные под этими местоимениями, организуют

¹⁰³ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 379.

¹⁰⁴ Там же. С. 380.

высказывание. Во второй части примера только в самом конце становится очевидным, что под «ты» имелся в виду Мерзляков. Нанизывание, постоянное уточнение сказанного вызывает ассоциацию со стилем плетения словес Кирилла Туровского.

Противопоставлены в данном примере, прежде всего, отношения автора к Ивану Ивановичу и к Мерзлякову. Если к Ивану Ивановичу автор письма обращается: «ваше превосходительство», «милостивый государь», то к Мерзлякову — «пуншевая стклянка». Противопоставлены и местоимения: уважительное «вы» и фамильярное «ты». Возникает игра и с противоположными по семантике образами тепла и холода: «Как думаете вы, <...> у коего ум *прохладил* душу, а душа, не совсем остывшая, ему назло *согревает* ум <...> (курсив наш — Е.А.).

Данный пример делится на две части, каждая из которой начинается словами «как думаете...», затем следует обращение, затем — нанизывание ряда признаков, свойственных лицу, указанному в обращении, а заканчивается пассаж знаком вопроса. Таким образом, именно параллелизм организует весь текст.

Приемы амплификации вообще многочисленны у арзамасцев. В другом письме видим: «Пока прости, мой странствующий рыцарь, мой скитающийся жид, моя моркотная молоденька, моя всемирная трясогузка, мой старец ueberall und niergends»¹⁰⁵.

Сравнения:

Как показывают письма, излюбленным приемом арзамасцев было сравнение. Например, в письме П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу: «Я намерен, если не удастся мне выманить его из берлоги, съездить к нему перед поездкой своею в Петербург, как набожные люди ходят поклониться мощам святого или как в Москве старухи ездят ко всем скорбящим перед отъездом своим из города»¹⁰⁶ (курсив наш — Е.А.). В другом письме: «Впрочем, я рад,

¹⁰⁵ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 392.

¹⁰⁶ Там же. С. 369.

что ты рассердился. Гнев — признак жизни, а для меня ты уже давно был трупом, но только не смрадным, а благоуханным. Ты — *египетская мумия, хранимая в царских подвалах, но бальзамированная в лучшие времена*¹⁰⁷ (курсив наш — Е.А.). Или: «Твои письма, как лучи на Мемнову статую: есть письмо, - и я умен, любезен часа на два, то есть пока готовлюсь писать, пишу и перечитываю; писем нет — и я камень»¹⁰⁸ (курсив наш — Е.А.). Или: «По совести ли он так растерзал меня или против совести, как против шерсти?»¹⁰⁹ Или: «Совестно пройти по тебе, как по мосту».¹¹⁰ Или: «Тебя ждать сюда надобно, кажется, с таким же успехом, как хорошего стиха от Хвостова или доброго дела от Кутузова»¹¹¹. Или: «Этот Жуковский — злодей; он, как медведь: чтобы мууху согнать со стиха, стих наповал убьет»¹¹². Или: «А к тому же писать ему — то же, что в вист играть с деревянным мужичком: ни ответа, ни привета! Как хочешь ему сдавай, а все он козырять не станет...»¹¹³.

Очевидно, что сходство сравниваемых предметов чаще всего не лежит на поверхности, и арзамасцам приходится пояснять его.

Арзамасцы выбирают такую форму для облачения своих мыслей (сравнение и противопоставление), потому что именно она позволяет им блистать остроумием. Таким образом, эти приемы подчинены одной цели: сказать как можно остроумнее.

Языковую игру арзамасцев можно проследить на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

¹⁰⁷ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 387.

¹⁰⁸ Там же. С. 379.

¹⁰⁹ Там же. С. 379.

¹¹⁰ Там же. С. 379.

¹¹¹ Там же. С. 372.

¹¹² Там же. С. 377.

¹¹³ Там же. С. 377.

Языковая игра арзамасцев на фонетическом уровне

В протоколах игра на уровне фонетики используется в пародийных целях. Объектом пародии является тяжеловесность слога Беседы. Материалом для изучения игры на фонетическом уровне в данной главе являются письма арзамасцев.

Фонетическое подобие может использоваться для создания каламбура: «Черт вас всех передери и раскроши в окрошку»¹¹⁴. Или: «<...> у вас какой-то Грузинцев, который пишет стихи, как наш князь из грузинцев¹¹⁵, издал поэму «Спасенную Россию». У нас кто-то, большой охотник ни до Грузинцева, ни до грузинцев, сказал <...>»¹¹⁶. Данный каламбур построен на фонетическом подобии (омонимии) звучания фамилии Грузинцев и родительного падежа множественного числа слова «грузинец» (национальность).

В прозаических текстах арзамасцев (в их письмах) мы можем найти многочисленные примеры рифм: «а этот учитель-мучитель»¹¹⁷ (курсив наш — Е.А.). Фонетическое звучание слова «учитель» в данном случае повторено полностью, добавлена лишь одна иная буква. Рифма является точной, ассонансной, однородной грамматической, женской.

Или: «жара смертоносная, скука поносная»¹¹⁸. В данной паре слов созвучия располагаются как в заударной, так и в предударной части (левосторонняя рифма). Рифма является точной, ассонансной, однородной грамматической, с дактилической клаузулой.

Или: «того и смотри, что метишь в ворону, а попадешь в корову»¹¹⁹. Данная рифма является неточной, ассонансной, однородной грамматической,

¹¹⁴ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 378.

¹¹⁵ Согласно комментариям В.Э Вацуро, речь идет о П.И. Шаликове, сыне небогатого грузинского князя.

¹¹⁶ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 368.

¹¹⁷ Там же. С. 378.

¹¹⁸ Там же. С. 379.

¹¹⁹ Там же. С. 392.

женской. Кроме того, указанная пара слов имеет и левостороннюю рифму (повтор «оро» в корне). Помимо звукового созвучия важна контрастность образов, в данном случае — по размеру.

Следующий пример рифмы: «В Москве не с кем молвить *слова*: сухая материя халдейского *разбора*»¹²⁰ (курсив наш — Е.А.). Данная рифма является неточной, ассонансной, однородной грамматической, женской. Этот пример интересен аллитерацией. В первой части предложения (до двоеточия) — аллитерацию на [м], [с], [к], [л], во второй части - на [м], [с], [л].

Фонетическим подобием руководствуется при сочетании слов Батюшков в письме к А.И. Тургеневу: «Скажите им, что в Бали мы вспоминали их с графом де-Бре посреди роз и развалин»¹²¹.

¹²⁰ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 381.

¹²¹ Там же. С. 367.

Языковая игра арзамасцев на уровне морфологии

Примеры игры на этом уровне описаны в работе Т.Б. Радбилия «"Арзамасская галиматья" в свете теории языковой аномальности». Материалом для работы этим автором были выбраны протоколы. К уже приведенным Т.Б. Радбилием приемам можно добавить некоторые примеры из писем.

Игру, основанную на противопоставлении себя другому, мы видим в следующем примере. Важно, что осуществляется эта игра за счет уровня морфологии — путем добавления уменьшительного суффикса к собственному имени: «Я ему пишу, что по всем правам ему принадлежит чин Асмодея, а я — *Асмодеюшка*»¹²².

Интересен также следующий пример: «Я хотел бы знать, чье это золотое преимущество друг над другом? *Хвостовщино* ли, или *Прокоповщино*?»¹²³.

В данном случае возникает нетипичное образование притяжательных прилагательных от фамилий, а не имен с помощью суффикса -щин. Кроме того, данный суффикс привносит некую негативную окраску, ассоциируясь с такими словами как «чертовщина», «дедовщина». Как видим, данный суффикс используется в словах, описывающих малоприятные явления. Таким образом, суффикс передает отношение арзамасцев к беседчикам, от фамилий которых были образованы притяжательные прилагательные.

¹²² «Арзамас». Сборник: в 2 кн. Кн. 2. С. 380.

¹²³ Там же. С. 381.

Языковая игра арзамасцев на лексическом уровне

К языковой игре на лексическом уровне стоит прежде всего отнести игру со значениями слова. Так, например, показателен пример из письма В.А. Жуковского к Д.В. Дашкову в январе 1817: «Если ты *дуешься* на меня за мое неотвечение на два письма твои, то перестань: *раздует* тебя горой, и Шаховской подумает, что ты опился Липецких вод, а это будет неприятно для Арзамаса»¹²⁴. Согласно МАС,

дуться

1. Наполняться воздухом; раздуваться.
2. Обижаться, сердиться, выражать своим видом недовольство.
3. С азартом, увлечением играть во что-либо.

Таким образом, сначала Жуковский употребляет слово «дуться» во втором значении, а потом реализует слово уже в первом значении и создает сюжет с подключением арзамасской тематики.

Подобная игру со значением слов встречается и в других примерах.

«Говорят, что Дмитриев что-то написал — смотри, голубчик, эта *святыня* должна быть наша. Его новые статьи могут быть вместо *чудотворного образа*, который заманит молельщиков в нашу часовню»¹²⁵. Согласно МАС,

святыня

1. Предмет или место религиозного почитания.
2. перен.; Что-либо особенно дорогое, любовно хранимое, чтимое.

В первом случае слово «святыня» употреблено в переносном значении («Что-либо особенно дорогое, любовно хранимое, чтимое»). Во втором случае слово означает «предмет религиозного почитания» (первое значение). Таким образом, языковая игра здесь основана на переходе от употребления слова в переносном значении к употреблению слова в прямом значении.

¹²⁴ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 347.

¹²⁵ Там же. С. 348.

Из письма В.А. Жуковского П.А. Вяземскому, датируемого 12-ым ноября 1818 г.: «Сейчас пришли два твоих письма к Воейкову и к Дашкову и еще более уверили во справедливости своих замечаний. Какие нежности для Воейкова и как зато славно отделан Жуковский в письме к Дашкову! Полно, брат, *острить* об меня перо! Оно и без того *остро!*».¹²⁶ Согласно МАС,

острить

1. Делать острым; заострять.
2. Говорить остроты.

В первом случае под фразой «полно острить об меня перо» имеется в виду «хватит острюковать». Таким образом, подразумевается второе значение слова. Во фразе же «оно и без того остро» анализируемое слово употреблено в первом значении («делать острым, заострять»). Вновь возникает движение от второго значения слова к первому.

Таким образом, в приведенных примерах, взятых из писем, языковая игра арзамасцев на лексическом уровне реализуется за счет движения от переносных значений слов к прямым, от вторых значений к первым.

Арзамасцы в письмах зачастую употребляют устойчивые выражения и поговорки. Но иногда эти устойчивые выражения приобретают в контексте писем значения, противоположные тем, которые прижились в языке. Подтверждением данной мысли может являться следующий пример из письма П.А Вяземского к А.И. Тургеневу: «Я в восхищении от этой речи и все еще в надежде, что она так *с рук ему не сойдет* ...¹²⁷». Фразеологизм «сходить с рук» присутствует в русском языке в значении «оставаться безнаказанным за предосудительные поступки». Его используют, когда хотят сообщить о плачевых последствиях содеянного. Автор письма, напротив, находится в восхищении от произнесенной речи, которая, кроме того, воспринимается им как благое дело. Последствием содеянного оказывается не наказание, а похвала и одобрение.

¹²⁶ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 350.

¹²⁷ Там же. С. 380.

Устойчивые в русском языке выражения могут также обыгрываться. Например, в письме П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу мы видим игру с выражением «терять нечего», включение его в современную арзамасцам эпоху: «Я одним дуракам велел бы ходить на войну: им терять нечего. Например, Невзоров убитый что потерял бы, кроме брюха и гузна, Хвостов убитый — кроме подогнутых колен, Шаликов — кроме грузинского носа и так далее»¹²⁸. Данный случай интересен также тем, что в нем возникают карикатуры на Хвостова, Невзорова и Шаликова. Внимание акцентируется на самых значительных элементах их внешности: согнутых коленях, брюхе, грузинском носе.

Часто встречается в письмах арзамасцев и прием противопоставления, который используется для большего острого слова.

«И от письменного стола меня оттягивает, как тебя *тащит* к обеденному»¹²⁹. В первом случае движение направлено от, во втором случае — к.

Или: «...ты мне *отпевал* Козодавлева, я могу *воспевать* тебе Жуковского: мы квиты».¹³⁰ Глагол «воспевать» использован автором письма, вероятно, по причине его фонетического созвучия с «отпевать» (общий корень). Противоположными по смыслу глаголами их делают приставки: отпевал (как в слове «отповедь»), вос-певал (как в слове «восхвалять»). Глаголы «отпевать» и «воспевать» в русском языке не являются противоположными по значению, таковыми их сделала арзамасская ситуация: отпевание живых покойников у арзамасцев связывалось с их порицанием и с насмешкой над ними, которые в свою очередь оказываются действием противоположным восхвалению. Таким образом, «отпевать» и «воспевать» в данном примере оказываются контекстуальными антонимами. Но Козодавлев умер на самом деле, поэтому глагол «отпевать» здесь используется в двух значениях:

¹²⁸ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 369.

¹²⁹ Там же. С. 379.

¹³⁰ Там же. С. 380.

«совершить над покойником обряд отпевания» и отпеть, чтобы порицать и высмеивать.

Языковая игра арзамасцев на синтаксическом уровне

Синтаксис арзамасцев наиболее интересен в послании. В структуре предложения совершенно отсутствуют лакуны, свободные места, автор словно пользуется каждой возможностью уточнить имя как можно полнее. Одно уточнение рождает другое, другое рождает следующее и так далее. Такой принцип похож на принцип порождения галиматы: галиматью тоже можно порождать бесконечно. Разница в том, что галиматья — это отказ от логических связей, «столкновение слов, принадлежащих к разным лексико-семантическим пластам»¹³¹, а данный способ порождения речи вполне логичен: если сказали об этом, то теперь можем сказать и о другом.

Итак, в структуре предложения определения даны везде, где только можно, в ней нет ни одного пустого места.

¹³¹ Кузнецов П.В. Жанр послания в русской лирике 1800-х — 1810-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. С. 50-51.

Глава IV

Игровой мир арзамасцев

Игровой мир в письмах

В протоколах и в письмах арзамасцы преподносят иносказательным образом реальные события. Особенность их иносказательной манеры такова, что обычно ей сопутствует возникновение игровой реальности, с которой художественная действительность лирического героя находится в сложных отношениях. Примером возникновения игровой реальности в результате использования иносказательной манеры письма можно считать следующий: «Если великан, который встретился с Вами вчера, между двух морей, на узком перешейке, — не убил Вас палицей, саблей или стихом Хвостова, то заклинаю вас всеми великаниями в свете, начиная с Наполеона и до корректора той типографии, где печатается «Сын Отечества», заклинаю Вас великанием Карабановым: напишите к Свиньину о выправке. Нет ли меня в числе? И не буду ли в будущих?»¹³² Создание игровой реальности происходит за счет наличия деталей в описании места действия («между двух морей, на узком перешейке») и в перечислении оружия («палицей, саблей»). Перечисление видов возможного оружия интерпретируется как признак того, что мир сознания лирического героя многовариантен. Вышеуказанные детали работают на правдоподобие игрового мира. Но совмещение выдуманного (топос, палица, сабля, именование «великан») и подчеркнуто действительного (современники арзамасцев: Хвостов, Наполеон, корректор типографии; реалии действительной жизни — журнал «Сын Отечества») демонстрирует, что игровой мир и мир художественной действительности лирического героя взаимопроникаемы. Об этом же говорит введенное как однородный член к выдуманным орудиям убийства словосочетание «стихом Хвостова». В данном примере действительный мир доминирует над игровым, потому что заканчивается данное письмо реальной просьбой автора. Однако письмо настолько иносказательно, что, как пишет в комментариях к нему

¹³² «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 361.

В.Э. Вацуро, «целый ряд содержащихся в нем намеков не поддается пока расшифровке»¹³³: арзамасский язык был «наречием», рассчитанным на понимание прежде всего «своими».

Однако в арзамасском наречии иносказательной манере может и не сопутствовать возникновение игрового мира. Как, например, в этом примере из письма: «Ты как Василий Львович: его *арзамасскими гусями защипали*, и он запел лебедем»¹³⁴ (курсив наш — Е.А.). Связь художественной реальности с объективной тут слишком сильна.

¹³³ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 563.

¹³⁴ Там же. С. 385.

Игровой мир в протоколах

В основе арзамасской игры лежит мир, подробно описанный О. Проскуриным в работе «Новый Арзамас — Новый Иерусалим». Согласно концепции Проскурина, в игровой действительности «Беседа» предстает как Новый Вавилон — «бездожный град, погрязший в грехе», подобно Вавилону из библейской легенды. Отсюда и наиболее частотное именование членов «Беседы» — «халдеи», что значит «вавилоняне». Новому Вавилону «субстанционально противостоит» «Арзамас» — «Новый Иерусалим».

«Беседа» является царством Бесов, «литературным адом», а ее члены — представителями инфернальных сил: Шаховской — Антихрист, «ложный мессия». Арзамасцы же веруют в святую Троицу: бога Вкуса, Карамзина и гуся. Религией и мерой всего написанного в мире этой игры является «литературное православие», которое исповедуют арзамасцы и от которого отпали члены «Беседы».

События реальной жизни переводятся арзамасцами в игровой план. Так полемика между «Беседой» и «Арзамасом» оказывается «последней решительной схваткой сил истинной литературной "церкви" с силами литературного ада».

Образ этого мира рождается из «блестящей амальгамы мотивов из ветхозаветных книг и Апокалипсиса»¹³⁵.

Согласно одному из основных выводов Проскурина, в текстах «Арзамаса» можно увидеть не просто игру с сакральными мотивами, но «развернутую и четко структурированную "игру в церковь"»¹³⁶. Тогда арзамасские протоколы являются не только результатом этой игры, но и важнейшим ее элементом. Каждый элемент системы должен обладать своей функцией. Постараемся понять роль протоколов в арзамасской игре.

Протоколы обладают четко выраженной композицией, повторяющейся из текста в текст. Начинается каждый протокол с зачина. Словари определяют

¹³⁵ Проскурин О.А. Новый Арзамас — Новый Иерусалим. С. 91.

¹³⁶ Там же. С. 100.

зачин как устойчивую словесную формулу в фольклорных произведениях, но употребление этого термина в данном случае кажется оправданным. Во-первых, потому что протоколы не лишены фольклорных мотивов. Так, например, в протоколе 24 февраля 1817 г. реализованная метафора «голова дымится» переводится в фольклорный план: «голова дымилась как Везувий. Извержение черепа воспоследовало, пролилась река лавы; но переменим тон и скажем слогом древних песен, "потекла эта реченька да на правую сторонушку, да за батюшку за Аничков мост, да и к какой-то библиотеке"»¹³⁷. Во-вторых, потому что автор собирается сказки рассказывать, о чем сам заявляет в протоколе заседания 10 августа 1816 г.: «...и как предки наши начинали свои сказки от сивки, от бурки и от вечной каурки, так и мы начнем свою сказку от седого Мешкова, от вороного Лбова и от вечного графа Дмитрия Ивановича, по прозванию Хлыстова»¹³⁸.

Зачин в арзамасских протоколах называет время и место действия, что сближает его с такими сказочными зачинами: в некотором царстве, в некотором государстве; в стародавние времена; и др. Термин «зачин» использует и М. И. Гиллельсон в работе «Молодой Пушкин и арзамасское братство»: «Подобным шутливым зачином, пародировавшим стиль протоколов официальных, пестрят протоколы "Арзамаса"»¹³⁹. Протоколы заседаний, речи членов, ответы указывают, что арзамасцы играют в официальность, высмеивая ее. Официальность была присуща Беседе. Таким образом, в приведенном нами утверждении Гиллельсона озвучена одна из основных функций зачина и определено одно из назначений арзамасских протоколов.

Однако следует вспомнить вывод О. Проскурина: «...сама структура "Арзамаса" вовсе не является пародийным воспроизведением структуры Беседы, равно как арзамасские речи и ритуалы отнюдь не преследуют своей

¹³⁷ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 1. С. 388.

¹³⁸ Там же. С. 369.

¹³⁹ Гиллельсон М.И. Указ. соч. С. 59.

целью пародировать тематику и поэтику выступлений беседчиков. «Беседа» может выступать объектом сатиры, инкорпорированной в пародическую рамку, — но не более того. Объектом же travestийной имитации ("пародичности", по Тынянову) служит нечто другое — не Беседа, а именно самая церковь»¹⁴⁰. Такой вывод наводит на мысль, что указанные Гиллельсоном функция зачина и назначение протоколов не является единственными.

Итак, вернемся к структуре арзамасских протоколов: за зачином подобного образца «в лето первое от Липецкого потопа, в месяц первый от Видения, по обыкновенному летоисчислению 1815 года, месяца Паздерика в 14 день» следует перечисление присутствующих. Затем говорится о том, что происходило на заседании. В конце сообщается, закончилось ли заседание ужином (гусем), после следуют подписи присутствовавших членов общества. Сообщения о том, что происходило и что было положено на заседании в первых протоколах, всегда пронумерованы.

Мы имеем возможность вписать протоколы Арзамасского общества в парадигму протоколов других обществ, имеющих отношение к «Арзамасу». Поскольку объектом пародии арзамасцев была «Беседа», прежде всего необходимо сравнить арзамасские протоколы с протоколами «Беседы Любителей Русского Слова», сохранившаяся часть которых была опубликована в работе В. А. Десницкого «Журналы "Беседы любителей русского слова"» 1958 года.

О судьбе протоколов Беседы Десницкий пишет в примечаниях следующее: «"Журналов" 1813 и последующих годов в нашем распоряжении не имеется. Неизвестно, сохранились ли они и, если сохранились, где находятся. "Журналы" за 1811 и 1812 годы куплены мной в революционные годы в одном из антикварных книжных магазинов Ленинграда; кем они были принесены в магазин — неизвестно»¹⁴¹. Значит, протоколов «Беседы»

¹⁴⁰ Проскурин О.А. Новый Арзамас — Новый Иерусалим. С. 101.

¹⁴¹ Десницкий В.А. Журналы «Беседы любителей русского слова» // Избранные статьи по русской литературе XVIII-XIX вв. М.; Л., 1958. С. 108.

времени деятельности Арзамасского общества (1815-1818), мы не имеем. Но это не мешает сравнивать «документацию» этих обществ, потому что протоколы Беседы являются типичными образцами канцелярии, а не литературы (Десницкий даже пишет о том, что писались они специально нанятыми для этого людьми, состоящими на канцелярской службе¹⁴²). А значит, имеющихся документов достаточно, чтобы сложилось общее впечатление о протоколах Беседы. Кроме того, сравнение позволит точнее определить традиционную организацию текста протокола заседания общества в то время.

Стоит заметить, что в разговоре о пародии в арзамасских протоколах, отсутствие протоколов Беседы за нужные годы также не является серьезной помехой в исследовании: «...сама структура "Арзамаса" вовсе не является пародийным воспроизведением структуры Беседы, равно как арзамасские речи и ритуалы отнюдь не преследуют своей целью пародировать тематику и поэтику выступлений беседчиков»¹⁴³.

Организация протоколов беседы близка к арзамасской: под нумерацией даны сообщения о том, что читали и что положили; под протоколом стоят подписи присутствовавших. Разъединяющим моментом при сопоставлении, прежде всего, является язык, которым они написаны.

Имеет смысл сравнить также протоколы «Арзамаса» с записями «из журнала заседаний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», так как «на первых порах недовольные Беседой группировались вокруг него»¹⁴⁴.

В записях «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» ход заседания описан под нумерацией. Сообщается о том, что читали и что положили. Записи написаны простым языком, отсутствует детализация, не говорится о том, кто был на заседании; присутствующие не

¹⁴² Десницкий В.А. Указ. соч. С. 104.

¹⁴³ Проскурин О.А. Новый Арзамас — Новый Иерусалим. С. 101.

¹⁴⁴ Гиллельсон М.И. Указ. соч. С. 40.

подписываются под протоколом. Эти протоколы очень коротки. Сближает протоколы «Арзамаса» и протоколы Вольного общества простота языка. Тогда как структура протоколов «Беседы» оказывается более близкой к арзамасской.

Сравнительным образом выявив традиционную структуру протокола того времени, видим, что способ организации их у арзамасцев вполне традиционен. Четко явленный традиционный каркас арзамасское общество заполняет личными оценками, реакцией на прочитанное на заседании, своим отношением ко всему обсуждаемому. Всего этого нет ни в протоколах Беседы, ни в протоколах «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств».

Интересно, что отмеченные традиционные черты в протоколах «Арзамаса» постепенно начинают стираться. Нумерация событий со временем оказывается не обязательной. Еще больший отход от традиционной организации возникает в протоколах июня — июля 1817 года, написанных Жуковским в стихотворной форме. Первая строчка остается подобием зачина: она сообщает о времени или месте заседания («В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку»¹⁴⁵; «Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который»¹⁴⁶, «Пламенный месяц Червен явился, лягнул во Изока»)¹⁴⁷. Под протоколом подпись присутствовавших членов также сохраняется.

Автор протоколов и сам чувствует моменты отхода от традиционной композиции. Так, например, временный секретарь Кассандра сам себя одергивает: «Но не будем спешить; расскажем все по порядку»¹⁴⁸ — как известно, хронологическая точность является одной из важнейших черт протокола. О несоблюдении традиции говорит и признание автора в том, что он собирается сказки сказывать: «...и как предки наши начинали свои сказки

¹⁴⁵ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 1. С. 427.

¹⁴⁶ Там же. С. 426.

¹⁴⁷ Там же. С. 427.

¹⁴⁸ Там же. С. 369.

от сивки, от бурки и от вечной каурки, так и мы начнем свою сказку от седого Мешкова, от вороного Лбова и от вечного графа Дмитрия Ивановича, по прозванию Хлыстова»¹⁴⁹. Не обязателен и официальный тон. Автор говорит: «Но переменим тон и скажем слогом древних песен»¹⁵⁰.

В протоколах иносказательный образ рождает сюжет, который воспринимается неоднозначно. Читатель забывает, что повествование является иносказанием и начинает принимать выдуманное за действительное. Наличие подобных сюжетов, которые в сознании читателя находятся на границе реального (но преподнесенного иносказательным образом) и выдуманного, (относящегося к области литературной действительности), расшатывает четкую структуру протокола, природе которого чужды такие неоднозначные прочтения — ведь в протоколе должны сообщаться факты.

Расшатыванию четко заданной структуры соответствует постепенное изменение в протоколах статуса слова. От острого слова и иносказания, когда реальные события переводятся в план игровой, где внешняя форма события подается в ином ключе, но содержание его остается прежним, — до слова, утрачивающего границы между игровой и бытовой реальностями. Пример: «Солнце возносилось над блестящими облаками востока; адская сволочь выникала из болот своих. Дед Седый, встревоженный сновидением, снаряжался к походу: он садился в огромную раковину, запряженную драконом, как будто испещренным плевками и чернилами: перед ним летел филин Студевич и гнал всех с дороги своим воем однотонным и бесконечным»¹⁵¹.

Иногда в протоколах слово оказывается равным действию: в арзамасской игре услышанное и прочтенное оценивается с позиции, победил ли говорящий своим текстом «тьму беседную». В этом отношении показателен следующий пример: «Все помнят чудесное действие сей речи

¹⁴⁹ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 1. С. 369.

¹⁵⁰ Там же. С. 388.

¹⁵¹ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 1. С. 360.

блестательной и трогательной; и шумный восторг арзамасцев, и смущение издыхающих халдеев, ибо гром слов президента проникнул сквозь шкапы, сквозь стены Арзамаса: он на крылах Ивикова Журавля понесся вдоль Фонтанки и вдоль Невы, раздавался в берлогах и в гнездах, на рынках и в клубах и в императорской Библиотеке; и там и здесь и усыпители, и усыпленные, и просто сонные, все очнулись, все узнали победу Светланы и света над Беседою и тьмою»¹⁵². Такая способность слова демонстрирует его действенность. Именно слово равно делу, поскольку победа над «беседной тьмой» происходит только в игровой действительности.

Действие вымышленное, описанное словом, приравнивается к реальному действию. Например, выдуманная, то есть предполагаемая, реакция беседчиков: «Напрасно некий лирический князь мечтал сиять в веках своих стихотворными, — наш грозный Вот обрезал своим ужасным косарем сии отпрыски и гаркнул на сего покойника богатырским голосом остроумной насмешки! И князь навек закопался в поношении»¹⁵³. Поскольку беседчики в действительном плане во время заседания отсутствуют, арзамасцы вольны в придумывании их реакций и поступков. Реакции и действия отсутствующих беседчиков во время чтения протоколов засчитываются за действительные.

Реальным событиям в протоколах даются выдуманные причины, истинность которых словно бы и не подлежит сомнению. Так, например, в протоколе заседания 20 апреля 1816 г.: член Вот я Вас написал плохие стихи, противные художественным взглядам «Арзамаса», потому что был напоен «неким бесовским зельем»¹⁵⁴.

¹⁵² «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 1. С. 385.

¹⁵³ Там же. С. 333.

¹⁵⁴ Там же. С. 362.

В заданиях, поставленных перед членом Вот я Вас, видим несуществующие детали: ему нужно «надеть на шею, вместо петли, ожерелье из комедий шутовского»¹⁵⁵.

В итоге, игровая действительность в сознании читателя постепенно начинает доминировать над действительностью реальной.

Что же касается места, которое занимают протоколы в игре арзамасцев, то они оказываются летописью истории общества, летописью «последней решительной схватки сил истинной литературной "церкви" с силами литературного ада». О возможности толкования роли протоколов таким образом говорит зчин, начинающийся как любая другая летопись словами «В лето..». Нумерация подчеркивает хронологическое воспроизведение событий, как в летописях. Также в протоколе заседания 11 ноября 1816 года читаем: «Муза Истории, ты безмолвствуешь в моем протоколе, как часто безмолвствуешь в древних летописях...»¹⁵⁶ — в этом предложении эксплицируется близость летописи и арзамасских протоколов. А в протоколе заседания 10 августа 1816 г. наблюдаем эпическое окончание: «Так судили арзамасца под ясными небесами царскосельскими и, решив сие важное дело, заключили...».¹⁵⁷ Интересно, что протоколы, изложенные Жуковским в стихотворной форме, размером напоминают поэмы Гомера, что позволяет лучше почувствовать связь между протоколами и историей.

Итак, в основе протоколов лежит канва, которая постепенно раскрашивается, заполняется все более и более сложными формами, в том числе и литературной игрой. Со временем это наполнение начинает расшатывать канву изнутри.

155 Там же. С. 362.

156 «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 1. С. 373.

157 Там же. С. 371.

Игровой мир в посланиях

Послание начала XIX века — «синтетическая форма», для которой характерны многотемность, многостильность и сближенность с другими жанрами¹⁵⁸.

Обратимся к посланию В.А. Жуковского «К Блудову».

Поводом для написания послания оказывается отъезд друга, предстоящая разлука с ним и желание грядущей встречи. Модальность этого текста побудительная: глаголы употребляются в повелительном наклонении (забудь, лети, вспоминай и др.). Данное послание интересно тем, что в нем мы видим «двоемирие», не романтическое, а близкое к тому, которое описал В.А. Грехнев. Здесь соседствуют реальность художественная и вымышленная. Первую мы наблюдаем, когда лирический герой говорит об отъезде друга или обращается к нему с советами. Вторую — когда он переносится в область мечты и начинает фантазировать. Совет лирического героя описан как предполагаемое будущее, которое незаметно для читателя переходит в несуществующее настоящее и даже в прошедшее:

Проникни сокровенно
В чертог уединенный,
Где <...>
Она одна *вздыхает* (наст.вр)
И Промысл *умоляет* (наст. вр.)
<...>
Смотри, как *томны* очи, (наст. вр.)
как вид ее *уныл*: (наст. вр)
Ей белый свет *постыл*; (прош. вр.)
Одна во мраке ночи,
Сокрылась в терем свой; (прош. вр)
Лампаду зажигает, (наст. вр.)

¹⁵⁸ См., напр.: Грехнев В.А. Указ. соч. С. 27-79. Краснокутский В.С. Дружеское послание арзамасского круга. С. 28-39. Гаспаров М.Л. Послание // Краткая литературная энциклопедия : В 9 т. М., 1962-1978. Т. 5. 1968. С. 905.

Письмо твое читает (наст. вр.)

И робкою рукой

Ответ ко другу пишет...¹⁵⁹ (наст. вр); (курсив наш — Е.А.).

Использование настоящего в приведенных примерах объясняется темой: описываются нафантизированные события. Немного помечтав, лирический герой снова вспоминает об отъезде друга и обращается к нему, затем снова забывает про адресата и переносится в область фантазии, потом вновь вспоминает про адресата и обращается к нему. И так далее. Приведем пример: «Ах! скоро ль твой веселый Возврат утешит вновь И дружбу и любовь?»¹⁶⁰. И сразу за этим следует переход в вымышленную действительность, воспринимаемую читателем и самим лирическим героем как реальную: «Податель благ, Зевес, Двум жителям небес Минуты разлученья Поверил искони Да будут, — рек, — они...»¹⁶¹. Вновь возникают глаголы в прошедшем времени: «поверил» и «рек». Лирический герой не подвергает сомнению реальность вымышленной действительности: сначала он описывает, как тяжело двум «любовникам, супругам» находиться в разлуке, а потом утверждает: «Я вижу обоих» (курсив наш — Е.А.).

Помимо предполагаемого будущего в тексте есть будущее пророческое, не подвергаемое сомнению читателем. Например:

Лети в безвестну даль;

И мимо пролетит стрела ужасной Гелы¹⁶².

Интересно, что отрывки, в которых замечтался лирический герой, часто длиннее тех, в которых говорится о реальной для него действительности. Таково свойство игрового пространства, где процесс фантазирования идет самозабвенно. (Согласно работе Йохана Хёйзинги «Homo Ludens», самозабвение — признак игры) Лирический герой послания,

¹⁵⁹ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 197.

¹⁶⁰ Там же. С. 198.

¹⁶¹ Там же. С. 198.

¹⁶² Там же. С. 198.

уходя в описание вымышленной действительности, увлекается и забывает о реальности.

Во второй части послания обращение к одному адресату сменяется обращением ко всему «милому кругу». Причина такого расширения — мысль о том, что друг может вернуться на Родину после разлуки и не застать адресанта в живых. Эта мысль становится поводом, чтобы представить такую гипотетическую ситуацию во всей полноте. Но лирический герой послания и сам забывает о том, что данная ситуация гипотетическая: «И участь присудила, чтоб первый я исчез из милого мне круга»¹⁶³.

Таким образом, события гипотетического будущего и вымышленной действительности разворачиваются перед нами полноценными многодетальными картинами. В результате максимальной подробности описаний читатель и лирический герой забывают о том, что это будущее не действительное, а лишь возможное; забывают о том, что события разворачиваются в пространстве фантазии. Так, например, в послании Батюшкова «К Жуковскому» автор говорит адресату, что близок к смерти:

Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвейц,
Дрожат мои колени,
Спина дугой к земле,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе;
Навек исчезла сила
И доблесть прежних лет.¹⁶⁴

Лирический герой уже сетует на рок за свою близость к смерти. Все описано столь правдиво и подробно, что мы верим, что с лирическим героем

¹⁶³ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 199.

¹⁶⁴ Там же. С. 216.

что-то стяслось (например, что он болен). Но оказалось, что мысли о смерти у него вызвали не болезнь, а сочинения беседчиков:

Поют и напевают
С ночи до бела дня;
Читают и читают
И до смерти меня
Убийцы зачитывают!¹⁶⁵

Так как вымышленная действительность осознается лирическим героем послания как гипотетическое будущее, пространство, где все разворачивается по законам фантазии, оказывается многовариантным. С этим как раз и можно связать указанную особенность стиля: однородные члены, длинные перечисления и действия, сопутствующие основным, выраженные деепричастиями. Примером большого ряда однородных членов и максимальной подробности рисуемой в воображении картины может быть следующий отрывок из послания Батюшкова «К Жуковскому»:

И роскошь золотая,
Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносит вины
И портер выписной,
И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог,
Весь Амальтеи рог,
Вовек неистощимый,
На жирный твой обед!¹⁶⁶

Работает на визуализацию игрового пространства в послании и на его правдоподобие синтаксис без лакун. Автор словно пользуется каждой

¹⁶⁵ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 216.

¹⁶⁶ Там же. С. 215.

возможностью уточнить имя как можно полнее. Например, в послании П.А. Вяземского «К Давыдову» 1816 г.:

Не знаешь жирных мясоедов,
Ни шумных дружеских обедов,
Ни тайных ужинов вдвоем?¹⁶⁷

Здесь возникают однородные дополнения, объединенные семантикой времени приема пищи («мясоед», «обед», «ужин»). Неслучайны два определения к «обедам» («шумный» и «дружеский»). Слово «ужин» максимально распространено. Оно имеет при себе также два определения: одно выражено прилагательным «тайный», другое — наречием образа действия «вдвоем».

М.Н. Виролайнен считает, что арзамасские тексты предвосхищают принципы постмодернистского сознания. Согласно ее работе «Гибель абсурда», постмодернизму свойственен принцип вариативной множественности¹⁶⁸. Именно этот принцип проявляется в многочисленных приемах амплификации, свойственных арзамасским текстам разных жанров.

Принцип вариативной множественности прослеживается на примере послания П.А. Вяземского «К Давыдову» 1816 г., в котором лирический герой «гадает», почему друг ему не пишет. Сам факт гадания (в значении «строить предположения, догадки») открывает возможность для реализации этого принципа. После анафорического «иль» рисуются многодетальные картины — варианты причин молчания адресата. О том, что принцип вариативной множественности свойственен сознанию лирического героя и миру, в котором он находится, говорит то, что союз «или» («иль») повторяется в этом довольно небольшом по объему тексте 9 раз. О наличии многовариантности говорят и соединительные союзы (или; и; ни...ни).

Отражением принципа вариативной множественности являются и следующие строки послания П.А. Вяземского «К Давыдову»:

¹⁶⁷ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 312.

¹⁶⁸ Виролайнен М.Н. Гибель абсурда // Абсурд и вокруг: Сборник статей. М., 2004. С. 420.

Ты будь *гусар* или *чернец*,
Любви *отступник* или *жрец*,
Или *шалун* неугомонный,
Иль сонный *член беседы* сонной¹⁶⁹

Интересно, что лирический герой допускает эту множественность в образе своего друга и не пытается его ограничить и определить, выбирая что-то одно из этих перечислений: «До этого мне дела нет: // Рядись как хочешь на досуге — // Но мне на голос дай ответ»¹⁷⁰.

О том, что допущение новых вариантов может идти бесконечно, говорит многоточие после союза «или» в следующих строчках: «Ханжишь, слывя живым усопшим, // С собой, с людьми и с Божеством? // Или...но расстаюсь с первом»¹⁷¹. Лирический герой готов продолжать фантазировать, и фантазия его миропорождающая.

Реализация принципа множественности в арзамасских текстах открывает возможность для наличия точки зрения, названной Б.А. Успенским, «последовательный обзор»¹⁷². Для более подробного ее рассмотрения стоит вспомнить «Послание к друзьям и жене» Войкова. Впервых, последовательность самого описания очевидна на композиционном уровне: лирический герой последовательно говорит о местах, в которых он был. Внутри же описания таких мест можно увидеть необходимую нам точку зрения. Например, описание домашнего досуга:

Иль в зимнюю метель, поближе сев к камину,
Внимая выюги *рев*,
Стук ставней, *шум* трубы, *свист* скважен, *треск* дерев,
Я порываюся бурь северных картину

¹⁶⁹ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 312.

¹⁷⁰ Там же. С. 312.

¹⁷¹ Там же. С. 312.

¹⁷² Успенский Б.А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. М., 1995. С. 83.

В стихах живописать¹⁷³.

Переданы все звуки, которые слышит лирический герой.

Подобное последовательное описание возникает и в думах лирического героя о «тереме» своей возлюбленной:

Вот Бибlia, вот Локк, Сен Пьер, Жан Поль, Эмиль

Вот на ковре, усыпанном цветами,

Нераспустившийся цветок -

Малютка дочь твоя с веселыми очами.

Вот, удаляся в уголок,

Поэт стихи читает с жаром,

Вот ты за самоваром,

И на подносе пред трубой

Фарфор высокою горой,

Канфорка жертвенником зрится;

На ней огонь пылает голубой

иnectар Пекинский варится.¹⁷⁴

В обоих случаях благодаря использованию данной точки зрения картина воспоминания лирического героя передана панорамно. Сочетание всех панорам дает целостную картину мира.

Точка зрения «последовательного обзора» не менее ярко явлена в «Послании к С.С. Уварову» Воейкова 1815 г.:

Хочешь ли видеть поле сраженья: пыль, дым, огнь, гром,

Щит в щит, меч в меч, ядры жужжат, и лопают бомбы,

Сгрянулись рати, брань закипела — и кровь полилася.

Хочешь ли видеть мирное поле под жатвой богатой,

Слышать в гумне на току бой в лад цепов молотящих:

Здесь сквозь доски пила визжит, зацепляясь зубами;

Тут ковачи раз в раз бьют сталь, стучат молотами;

¹⁷³ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 330.

¹⁷⁴ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 331.

Там раздается лай псов по мхам, по холмам, по долинам.

Грянул перун — и громкое эхо кругом прокатилось;

Свистнул порывистый ветр, буграми вздулося море,

Хлябь ревет и клокочет, огромные волны хлебещут,

Ребра трещат в корабле и скрипят натручены скрепы.

Руль раздроблен, и внезапно вал, на корабль набежавший,

Перевернув его трижды, стремглав сшиб кормчего в бездну¹⁷⁵.

Очевидно, что фантазия лирического героя является миропорождающей. Именно поэтому в описании выдуманного мира присутствует множество деталей и подробностей, благодаря которым читатель верит в достоверность изображенной картины. Все описано настолько убедительно, что мы даже знаем, сколько раз перевернулся корабль («трижды»). Таким образом, ни у читателя, ни у лирического героя не остается возможности не поверить в правдивость представленного. И в приведенном фрагменте реализуется следующий признак пространства фантазии лирического героя: помысленное получает статус действительного.

Наличие перечней в арзамасских посланиях тоже является реализацией принципа множественности. Примеров перечней много:

1) «Вот Библия, вот Локк, Сен Пьер, Жан Поль, Эмиль»;

2) В твоём камине на кострах

Пылает Сатаны *угодник* —

Походов девственных *певец*,

Теоса мудрый *греховодник*

И соблазнительный *мудрец* —

Наставник счаствия Гораций;

И окаянного Парни¹⁷⁶

Чаще всего в перечнях речь идет о перечислениях любимых книг на полках лирического героя.

¹⁷⁵ «Арзамас». Сборник: В 2 кн. Кн. 2. С. 305.

¹⁷⁶ Там же. С. 311.

Подводя итоги, можно сказать, что в арзамасских посланиях возникает соединение композиционного построения «последовательный обзор», обилия однородных членов и деталей, особого синтаксиса без лакун и наличия перечней, которое работает на визуализацию и максимальную достоверность вымышленного лирическим героем мира.

Заключение

М.Н. Виролайнен в работе «Гибель абсурда» пишет, что «арзамасская абсурдистика возникает на границе эстетических систем, в той пограничной зоне, где одна система вытесняет другую (одно нормативное сознание сменяется другим нормативным), и теряет свою актуальность, когда граница перейдена»¹⁷⁷. Под абсурдистикой в статье, прежде всего, понимается «галиматья», являющаяся частью арзамасской игры. Как видно из представленной работы, принцип игры пронизывает все уровни текстов и поведения арзамасцев. И именно эта игра была способом разрушения системы беседчиков и традиционного литературного языка. Она оказалась способной уничтожить застывшие, окаменевшие формы, расчистить место для нового. Таким образом, принцип игры осуществляет революционную функцию, так как речь идет «не о планомерной эволюции, а о скачке, не о развитии, а о смещении»¹⁷⁸. Тыняновский «принцип литературной эволюции <...>, борьба и смена»¹⁷⁹ реализуется и в приеме «остранения»¹⁸⁰ (термин В. Шкловского). Таким «остранением» являются, например, генетивные метафоры, описанные О. Ронинсон: «"Автоматизировавшимся" в годы существования Арзамаса ощущался и сам прием построения метафорической конструкции с родительным падежом»¹⁸¹, но «недостаток "чужой" системы <...> арзамасцы превратили в достоинство, творческую находку»¹⁸².

Революционная деятельность «Арзамаса» начинает ряд сдвигов литературной и – шире – культурной нормы, который будет осуществляться при смене «больших» стилей: при переходе от классики – к модернизму, от модернизма – к постмодернизму. Не случайно игровые модели общества

¹⁷⁷ Виролайнен М.Н. Указ. соч. С. 422.

¹⁷⁸ Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 6.

¹⁷⁹ Там же. С. 11.

¹⁸⁰ Шкловский В.Б. Искусство как прием // Гамбургский счет. М., 1990.

¹⁸¹ Ронинсон О.А. Указ. соч. С. 9.

¹⁸² Там же. С. 11.

обнаруживают удивительную художественную устойчивость в последующие этапы культурной эволюции¹⁸³. Но функционирование этих моделей на переломе последующих веков безусловно требует отдельного исследования.

¹⁸³ См. об этом: Радбиль Т.Б. «Арзамасская галиматья» в свете теории языковой аномальности // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас; Нижний Новгород. 2015. С. 166.

Список литературы

I

1. «Арзамас». Сборник: В 2-х книгах. Кн. 1. / под ред. В.Э. Вацуро и А.Л. Осповата. - М.: Художественная литература, 1994. - 606 с.
2. «Арзамас». Сборник: В 2-х книгах. Кн. 2. / под ред. В.Э. Вацуро и А.Л. Осповата. - М.: Художественная литература, 1994. - 639 с.
3. Арзамас и арзамасские протоколы / Вводная статья, ред. протоколов и прим. к ним М. С. Боровковой-Майковой; Предисл. Д. Благого. - Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. - 302 с .
4. Карамзин Н.М. Пантеон российских авторов // Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л: Художественная литература. 1964. Т. 2. С. 156 – 174.

II

5. Алтышуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славяноильства. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. - 444 с.
6. Аронсон М.И., Рейсер, С.А. Литературные кружки и салоны / Ред. и предисл. Б.М. Эйхенбаума. - М.: Аграф, 2001. - 398 с.
7. Афанасьева Э.М. Онтология имени в творчестве русских писателей начала XIX века: литературное общество «Арзамас», А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. - М.: URSS Ленанд, 2013. - 262 с.
8. Благой Д.Д. Социально-политическое лицо Арзамаса // Арзамас и арзамасские протоколы. - Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. - С. 5 - 20.
9. Вацуро В.Э. В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас». Сборник: в 2-х книгах. Кн. 1. - М.: Художественная литература, 1994. - С. 5 – 28.
10. Виролайнен М.Н. Гибель абсурда // Абсурд и вокруг: Сборник статей. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - С. 415 - 427.
11. Гаспаров М.Л. Послание // Краткая литературная энциклопедия : В 9 т. - М.: Советская Энциклопедия, 1962-1978. - Т. 5. - 1968. - С. 905.

12. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. - СПб.: Академический проект, 1999. - 400 с.
13. Гилльельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. - Л.: Наука, 1974. - 226 с.
14. Гилльельсон М.И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. - Л.: Наука, 1977. - 200 с.
15. Грехнев В.А. Мир Пушкинской Лирики. - Нижний Новгород: Нижний Новгород, 1994. - 462 с.
16. Десницкий В.А. Журналы «Беседы любителей русского слова» // Избранные статьи по русской литературе XVIII-XIX вв. - М.; Л.: Академия наук СССР, 1958. - С. 92 - 191.
17. Живов В.М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Труды по знаковым системам. - Тарту: ТГУ, 1981. - Вып. XIII. - С. 56 - 91.
18. Иезуитова Р.В. Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. - Л. - 1982. - т. X. - С. 22 - 47.
19. Краснокутский В.С. Проблема комического в теории и творчестве Арзамасцев // Вестник МГУ. Сер. 10. Филология. - 1973. - № 6. - С. 16 — 28.
20. Краснокутский В.С. дружеское послание арзамасского круга // Филология. Сборник студенческих и аспирантских работ МГУ. - М., 1974. - С. 28 - 39.
21. Краснокутский В.С. О своеобразии арзамасского наречия // Замысел, труд, воплощение. - М.: МГУ, 1977. - С. 20 - 41.
22. Кузичева М.В. О слоге дружеских писем Батюшкова // Филологические науки. - 2001.- №2. - С. 31 - 40.
23. Кузнецов П.В. Жанр послания в русской лирике 1800-х — 1810-х годов: диссертация канд. филол. наук. - М., 2001. - 180 с.
24. Курганов Е. Я. ОПОЯЗ и Арзамас. - СПб.: «Журнал Звезда», 1998. - 96 с.

- 25.Лотман Ю.М. Поэзия 1790-1810-х годов // Поэты 1790-1810-х годов. - Л.: Советский писатель, 1971. - С. 5 - 62.
- 26.Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. - Тарту: ТГУ, 1975. - Вып. 24. - С. 168 – 254.
27. Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов — М.: Новое литературное обозрение, 2008. - 800с.
- 28.Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. - М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. - 431 с.
- 29.Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. - М.: Гослитиздат, 1958. - 698 с.
- 30.Паперно И.А. О реконструкции устной речи из письменных источников (кружковая семантика и домашняя литература в Пушкинскую эпоху) // Семантика номинации и семиотика устной речи. - Тарту: ТГУ, 1978. - Вып. 1. - С. 122 - 134.
- 31.Прокурина О.А. «Арзамас», или Апология галиматьи // Знание - сила. - 1993. - № 2. - С. 55 - 62.
- 32.Прокурина О.А. Новый Арзамас — Новый Иерусалим. Литературная игра в культурно-историческом контексте // Новое литературное обозрение. - 1996. - № 19. - С. 73 – 128.
- 33.Прокурина О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. - М.: ОГИ, 2000. - 366 с.
- 34.Радбиль Т.Б. «Арзамасская галиматья» в свете теории языковой аномальности // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. - Арзамас; Нижний Новгород. - 2015. - С. 165 - 184.
- 35.Ронинсон О.А. О «грамматике» арзамасской «галиматьи» // Функционирование русской литературы в разные исторические периоды. - Тарту: ТГУ, 1988. - № 822. - С. 4 — 17.
- 36.Савоськина Т.А. Каламбур как один из феноменов «арзамасской» смеховой культуры // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. - Арзамас; Нижний Новгород. - 2015. - С. 92 - 101.

- 37.Строганов М.В. Арзамасский стёб: пределы и границы дозволенного // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы. - Липецк. - 2006. - С. 101 — 114.
- 38.Томашевский Б.В. Пушкин и Франция / Предисловие Б. Бурсова. - Ленинград : Советский писатель, 1960. - 498 с.
- 39.Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. - Л.: Прибой, 1929. - 596 с.
- 40.Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII - начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. - М.: Изд-во МГУ, 1985. - 215 с.
- 41.Успенский Б.А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - С. 9 - 220.
- 42.Чумакова Т.В. Синтаксическое своеобразие дружеских посланий А.С. Пушкина к членам общества «Арзамас» // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. - Арзамас; Нижний Новгород. - 2015. - С. 209 — 218.